W 49/420

Кн. А. Италийскiй Гр. Суворовъ Рымникскiй

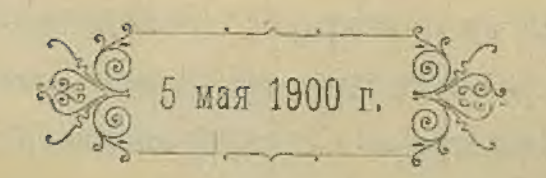
801-89
6310-9
№ 49/420

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ

ВЪ СВОИХЪ РУКОПИСЯХЪ.

Генеральнаго штаба капитанъ
Марченко.

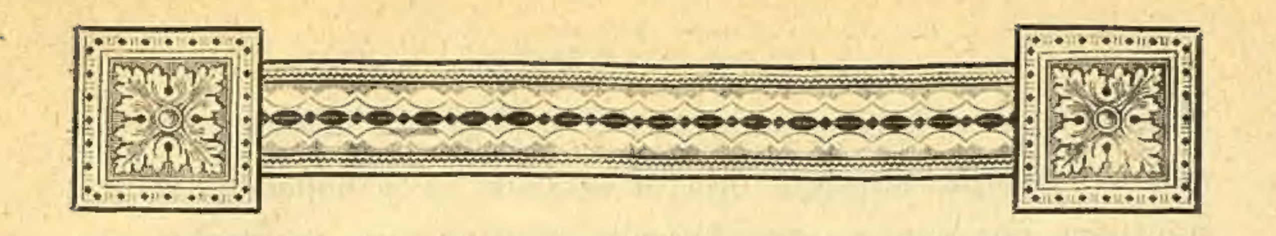

XX-7625

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1900 г.

2007043140

Къ портрету А. В. Суворова.

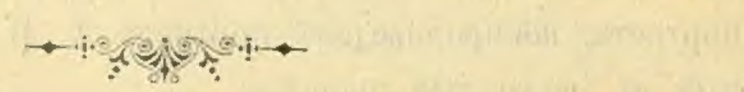
Въ минувшемъ году Государю Императору благоугодно было повелѣть воспроизвести снимки съ принадлежащаго Его Величеству рѣдкаго портрета А. В. Суворова, писаннаго съ натуры, и, изготовивъ таковые снимки въ достаточномъ количествѣ, разослать ихъ въ части войскъ, для роздачи въ роты, эскадроны и батареи. Съ этого, Высочайше дарованнаго войскамъ портрета, воспроизведенъ портретъ А. В. Суворова, помѣщенный въ настоящей брошюрѣ.

Исторія оригинальнаго портрета, составляющаго собственность Его Величества, слѣдующая [1]):

«Когда послѣ швейцарскаго похода, Суворовъ возвращался больной въ Россію, въ началѣ 1800 года, онъ дорогой остановился въ Прагѣ, гдѣ случайно встрѣтился съ извѣстнымъ въ то время придворнымъ художникомъ портретистомъ австрійскаго Императора, Шмидтомъ. Выйдя однажды въ 7 час. утра къ завтраку въ рубашкѣ и исподнемъ бѣльѣ, Суворовъ замѣтилъ, что Шмидтъ собирается его рисовать: «что ты, братецъ, въ такомъ видѣ меня рисуешь», — обратился онъ къ художнику, — «вѣдь я австрійскій генералъ и даже фельдмаршалъ»,—и тутъ же приказалъ Прошкѣ принести свой мундиръ и всѣ регаліи. Тогда Шмидтомъ былъ сдѣланъ съ натуры не большой, но прекрасно

[1]) Изъ статьи А. А. Бильдерлинга въ № 261 «Русск. Инв.» за 1898 годъ.

исполненный пастелью портретъ Суворова въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ, который онъ и отдалъ фельдмаршалу. Этотъ портретъ послужилъ впослѣдствіи оригиналомъ для извѣстнаго нашего гравера Уткина; съ его гравюры снято потомъ много другихъ, не особенно удачныхъ, копій и на нихъ Суворовъ уже изображенъ въ русскомъ мундирѣ. Ровинскій, упоминая въ своемъ сборникѣ о портретѣ Шмидта, говоритъ, что онъ долго и тщетно отыскивалъ оригиналъ, который недавно найденъ А. В. Верещагинымъ въ заброшенной усадьбѣ, принадлежавшей Суворову, въ Новгородской губерніи. Этотъ не большой, но хорошо сохранившійся, въ высшей степени цѣнный портретъ, какъ сдѣланный съ натуры, въ 1897 году пріобрѣтенъ у Верещагина Государемъ Императоромъ».

АВТОГРАФЪ
А. В. СУВОРОВА
НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ
хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки [1]).

Io son nato 1730. il 13. Novembre

1. Soldato. 1742 il ottobre

2 Corporale 1747 il 25. Aprile

3. Ba. So Alfiere 1749. il 22. Decembre

4. Sergeanto 1751. il 8. Giugno

5 Luogotenente 1754. il 25. Aprile

6 Gran Maestro dei Provisione 1756. il 17. Zennero

Generale Auditore Luogotenente 1756. il 28. ottobre

7 Maggiore primo 1756 il 4 decembre

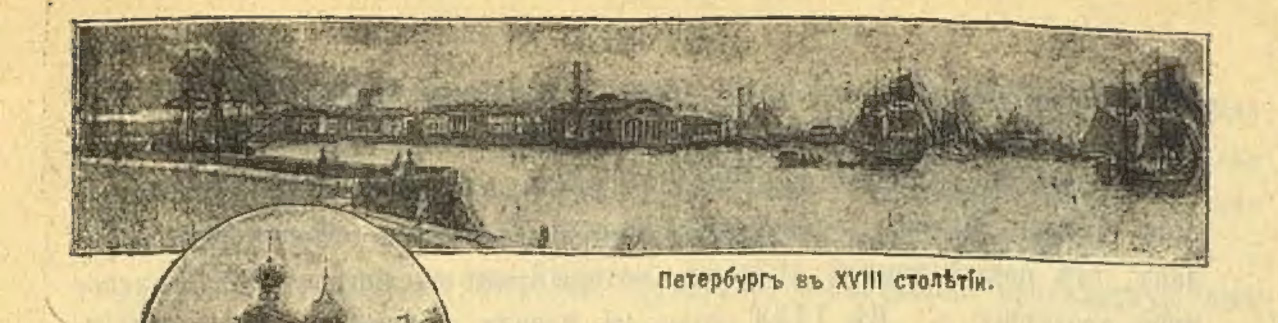
Рукописн. Сувор Сборн кн 15, л. 32

Г. Александръ Суворовъ Рымникскій

. Рук Сув. Сб. кн. 10 л. 132.

---

[1]) Значеніе этого автографа преимущественно автобіографическое, какъ разрѣшающее (свидѣтельствомъ самого Суворова) вопросъ о годѣ его рожденія.

Петербургъ въ XVIII столѣтіи.

Церковь св. Троицы.

Краткій біографическій очеркъ

«Io son nato 1730 il 13 Novembre» ¹) записалъ по итальянски Суворовъ на небольшомъ пожелтѣвшемъ листкѣ, сохранившемся въ папкѣ Рукописнаго Суворовскаго Сборника.

Вотъ переводъ этого, помѣщеннаго здѣсь, автографа: «Я родился 1730 года 13-го ноября. Солдатъ 1742 г. 22 октября ²); капралъ 1747 г. 25-го апрѣля; подпрапорщикъ 1749 г. 22-го декабря; сержантъ 1751 г. 8-го іюня», сбоку къ этимъ словамъ приписано: «гвардейскаго корпуса въ Семеновскомъ полку». «Подпоручикъ 1754 г. 25-го апрѣля» сбоку: «Ингерманландскаго пѣхотнаго полка»; «Оберъ-провіантмейстеръ 1756 г. 17-го января», сбоку: «въ Новгородѣ. Генералъ аудиторъ лейтенантъ 1756 г. 28-го октября», сбоку: «Военной колегіи». «Премьеръ-маіоръ 1756 г. 4-го декабря».

Такимъ образомъ, всего пять лѣтъ раздѣляютъ смерть и рожденіе двухъ волевыхъ колоссовъ Петра I и Суворова, которыми началось и завершилось въ русской жизни восемнадцатое столѣтіе.

Любопытно, что Петръ Великій, по свидѣтельству А. Петрушевскаго, былъ въ 1705 году крестнымъ отцомъ Василія Ивановича Суворова, отца генералиссимуса, дѣдъ котораго Иванъ Григорьевичъ служилъ въ Преображенскомъ полку. Въ 1722 году Василій Суворовъ поступилъ деньщикомъ къ Государю и былъ кромѣ того и Его переводчикомъ; при Екатеринѣ I онъ былъ выпущенъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ; черезъ два года пожалованъ въ прапорщики, а въ 1730 году произведенъ

¹) Т. е. «Я родился въ 1730 г. 13 ноября». ²) Полков. архивъ л.-гв. Семеновскаго полка опредѣленія полковыхъ штаповъ, 115. (Военный Сборникъ 1900 года № 5. Статья Геруа, Суворовъ-Солдатъ). Сув. Сборн. кн. 8, л. 184 (1792 г.) «...сего 23 октября 50 лѣтъ въ службѣ...».

въ подпоручики. Между тѣмъ Пекарскій (Наука и литература, ч. I, стр. 227) утверждаетъ, что Василій Суворовъ уже въ 1715 году учился «инженерству» за границей и приводитъ инструкцію Петра I отъ 24-го января 1715 г. Конону Зотову: «Суворова и Туваркова отправить въ Морданъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ океана въ Медитерамское море проведенъ...». Въ 1724 году въ печати появился переводъ В. И. Суворова: «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изданный отъ славнаго инженера Вобана», книга, по которой Василій Ивановичъ училъ сына «сей нужной и полезной наукѣ».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Василій Ивановичъ былъ въ чинѣ полковника прокуроромъ бергъ-колегіи и въ пятидесятыхъ годахъ получилъ генеральскій чинъ. Въ папкѣ № 15 Рукописнаго Суворовскаго Сборника сохранились указы и другіе документы временъ Императрицы Елисаветы, касающіеся службы родителя Александра Васильевича.

Мать его Авдотья Федосѣевна была изъ семьи Мануковыхъ; обстоятельства, относящіяся къ ней, сопровождавшія ея вліяніе на воспитаніе сына, остаются до нашихъ дней не выясненными, не смотря на то, что до 13-ти-лѣтняго возраста о такомъ материнскомъ вліяніи говорятъ догадками историографы Суворова.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ П. И. Турчанинову отъ 27-го августа 1780 года изъ Астрахани [1]) Суворовъ упоминаетъ о матери «...поздно заставить меня вѣрить по калмыцкому боготворить планеты по индѣйскому... довольно; я только могу быть добродѣтельнымъ, вѣрнымъ до моего гроба матери моей, ближняго моего ничѣмъ не безпокою и трехаршиннаго паралелограма полно съ меня...».

О мѣстѣ рожденія Суворова за послѣдніе мѣсяцы высказанъ былъ въ печати цѣлый рядъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ; къ нашему прискорбію мы до сихъ поръ точныхъ свѣдѣній все-же не имѣемъ. А. Петрушевскій [2]) отказывается опредѣлить его. Быть можетъ, этотъ грустный пробѣлъ возможно выяснить изъ метрики Александра Васильевича!? Казалось бы, Суворовъ величина слишкомъ значительная, чтобы не вызвать въ этомъ направленіи циркулярныхъ архивныхъ поисковъ со стороны нашей центральной духовной власти.

---

[1]) Рукоп. Сборн. Акад. Наукъ, л. 26. См. Роспись книгамъ и рукописямъ Имп. Рос. академіи 1840 г. Отдѣлъ XXXIII (рукописи), стр. 156, № 41. Петрушевскій (ч. I, стр. 3) говоритъ: «...въ перепискѣ ея (т. е. матери Суворова) сына, за все время его долгой жизни *не говорится о ней ни слова, не встрѣчается ни одного намека, или воспоминанія...*». Съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что Суворовъ иногда называлъ Императрицу Екатерину матерью. [2]) А. Петрушевскій, ч. I, стр. 3. Несмотря на то, что ему въ 1884 году вѣроятно было извѣстно о письмѣ ген.-ад. кн. А. А. Суворова отъ 16-го іюня 1878 г., въ которомъ мѣстомъ рожденія А. В. указано с. Каменка, Новгор. губ., Боровичскаго уѣзда.

Матеріальная обстановка родителей Александра Васильевича была удовлетворительная. Въ запискѣ [1]) о прохожденіи имъ службы, помѣчено: «за отцомъ душъ мужеска полу 400»; слѣдовательно, отецъ его Василій Ивановичъ «былъ человѣкомъ обезпеченнымъ, хотя и не богатымъ».

До 11-ти-лѣтняго возраста, Суворова, несмотря на проявляемую имъ любовь и страсть къ военно-историческимъ книгамъ, къ физической работѣ и труду, предназначали гражданской службѣ; по странному совпаденію (какъ говоритъ сохранившееся преданіе) переворотъ въ рѣшеніи отца произвелъ генералъ Ганнбалъ *именемъ Петра Великаго.*

«Самоучка-Суворовъ знакомится мало по малу съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, съ дѣяніями Александра, Цезаря, Аннибала и другихъ знаменитыхъ полководцевъ древности, съ походами Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгенія, маршала Саксонскаго и многихъ иныхъ. Изученіе исторіи и географіи у него шло кромѣ того по Гюбнеру и Роллену, а начала философіи по Вольфу и Лейбницу. Артилерію и фортификацію онъ изучалъ подъ руководствомъ своего отца...» [2]). Въ замѣткѣ о прохожденіи службы своей Суворовъ записалъ [3]): «началъ служить въ л.-гв. Сем(еновскомъ) полку; написанъ въ солдаты 22 октября 1742; пожалованъ въ капралы 1747 году апрѣля 25; въ подпрапорщики 1749 г. декабря 22 дня; въ сержанты 1751 году іюня 8 дня; выпущенъ въ поручики 1754 году апрѣля 25 дня отъ роду 24-хъ лѣтъ». На оборотѣ листка помѣчено: «въ оберъ-провіантмейстер(ы) 1756 г. генваря 17 дня; въ генералъ-аудиторъ-лейтенанты 1756 г. сент(ября) 28 дня; выпущенъ въ премьеръ-маіоры 1756 г. дек. (1); въ подполковники — 1758 году окт(ября) 9 дня».

Работая самоучкой, Суворовъ «усиленно изучалъ теорію для того, чтобы сдѣлаться разумнымъ практикомъ». Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ отрицательныхъ образцовъ семилѣтней войны и неудачныхъ опытовъ вѣнскаго кригсрата, онъ рѣзко выразилъ свое порицаніе теорети-

---

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 15, л. 77. [2]) Петрушевскій, ч. I, стр. 9. Пекарскій (Наука и литер., ч. I, стр. 227 и ч. II, стр. 620) говоритъ, что въ 1724 году былъ напечатанъ переводъ Василія Суворова: «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изд. отъ славнаго инженера Вобана». Въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго (изд. 1847 г., III, 294) несправедливо замѣчено, что переводъ Вас. Ив. остался въ рукописи по случаю кончины Петра I. «Истинный способъ укрѣпл...» есть именно его переводъ. по которому онъ училъ фортификація сына. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 15, л. 77. Петрушевскій (1, стр. 8, указываетъ, что въ 1742 году Суворовъ только зачисленъ въ Семеновскій полкъ, а поступилъ въ 1745 году. Свѣдѣнія эти провѣрилъ А. Геруа въ полковомъ архивѣ л.-гв. Семеновскаго полка. (См. Воен. Сборн. 1900 г. № 5). Зачисленный въ полкъ 22 октября 1742 года, Суворовъ фактически прибылъ въ полкъ 1-го января 1748 г. и слѣдовательно пользовался отпускомъ въ теченіи 5 лѣтъ, 2 мѣсяцевъ и 13 дней.

камъ: «въ кабинетѣ врутъ, а въ полѣ бьютъ» [1]). «...я кабинета чуждъ...» [2]). Изучая великихъ мужей и занимаясь теоріею военнаго дѣла многіе годы, Суворовъ относился къ изучаемымъ предметамъ не рабски, а самостоятельно и свободно, всегда опасаясь впасть въ ошибку неумѣстнаго подражанія. Новѣйшія изслѣдованія полковыхъ архивовъ гвардейскихъ полковъ, указываютъ, что дворяне-солдаты врядъ ли въ то время жили въ казармахъ и вели въ полномъ смыслѣ слова солдатскій образъ жизни; напротивъ все заставляетъ думать, что эти нижніе чины-дворяне жили по частнымъ квартирамъ, пользовались услугами крѣпостныхъ и можно съ нѣкоторою увѣренностью утверждать, что первоначальная солдатская подготовка Суворова врядъ ли всецѣло носила характеръ придаваемый ей исторіографами. Догадку эту всецѣло подтверждаетъ любопытное и цѣнное изслѣдованіе Геруа на страницахъ майской книжки Военнаго Сборника.

Русская армія въ молодые годы Суворова переживала состояніе переходное, тяжелое. Большинство офицеровъ въ ней были мало или вовсе не грамотны, полковые командиры злоупотребляли своею обширною властью, «полковые штапы» колегіально вершали всѣ дѣла, служба отправлялась только исподволь. Такимъ образомъ и солдатская жизнь, и первые годы офицерской службы Александра Васильевича были для него отрицательными образцами.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ производства въ офицеры, уже въ чинѣ подполковника, Суворовъ, отбывъ рядъ хозяйственныхъ должностей, назначается дивизіоннымъ дежурнымъ (должность, подобная начальнику штаба) къ генералу графу Фермору.

Невѣжество, неустройство, вялость, неспособность, вотъ, что встрѣтилъ въ дѣйствующей арміи Суворовъ; движенія войскъ были медленны, переходы иногда не болѣе 8 верстъ въ сутки, дисциплина расшатывалась. «Я самъ», писалъ про себя Суворовъ [4]), будучи зачисленъ въ армію послѣ долгой и честной службы, три года никуда не годился... Они (полковники) разслабляютъ своихъ офицеровъ... сибариты, но не спартанцы... дѣлаясь генералами—подкладка остается таже...». Тотъ же отпечатокъ лежалъ на тактической подготовкѣ войскъ. Наступленіе и перестроеніе въ эпоху семилѣтней войны совершались такъ медленно, что пѣхотному полку на построеніе требовался цѣлый часъ, а для арміи—сутки. Биваки выбирались неумѣло. Развѣдывательной службы не существовало. Завѣдуя штабомъ гр. Фермора, Суворовъ имѣлъ возможность критически относиться къ распоряженіямъ главныхъ начальниковъ.

[1]) Рукоп. Сборн., кн. 10, л. 124. [2]) Тамъ же, кн. 9. л. 32. [3]) А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерин. арміи, стр. 12. [4]) Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 21 (многоточіе—означаетъ пропускъ).

Послѣ кунерсдорфской побѣды, когда Салтыковъ не преслѣдовалъ, Суворовъ сказалъ Фермору: «На мѣстѣ главнокомандующаго я бы прямо пошелъ къ Берлину» [1]); въ 1794 г. онъ такъ и сдѣлалъ и прямо пошелъ къ Варшавѣ, въ войнахъ съ Турціей объектомъ дѣйствій намѣчалъ Константинополь, а въ 1799 г. конечною цѣлью дѣйствій ставилъ Парижъ [2]).

Въ сентябрѣ 1761 г. Суворовъ назначенъ былъ въ легкій корпусъ генерала Берга, прикрывавшій отступленіе русской арміи. Бутурлинъ отличалъ Александра Васильевича и представилъ его къ наградѣ. Будучи полковникомъ Казанскаго пѣхотнаго полка, Суворовъ командовалъ то пѣхотою, то кавалеріею и дѣлалъ набѣги съ казаками, а съ окончаніемъ кампаніи командовалъ Архангелогородскимъ драгунскимъ полкомъ. Всегда особенно чтилъ и дорожилъ Суворовъ мнѣніемъ гр. Румянцева, котораго считалъ своимъ учителемъ; послѣдній, въ годы семилѣтней войны, высказался о немъ: что, хотя онъ «и числится на службѣ въ пѣхотѣ, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями прямо кавалерійскими».

Приказомъ 26-го августа 1762 г. Суворовъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка, которымъ командовалъ однако же недолго. Уже 6-го апрѣля 1763 г. Александръ Васильевичъ назначенъ командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка. Будучи во главѣ его, говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ, Суворовъ усердно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось новаго въ военномъ мірѣ; не чуждаясь новшествъ, онъ никогда не принималъ ихъ на вѣру, а вносилъ во все заимствованное свой творческій геній.

Императрица Екатерина II, близко знавшая и особенно цѣнившая Суворова-отца, вскорѣ послѣ вступленія Своего на престолъ, учредила воинскую комисію для пересмотра существовавшихъ тактическихъ порядковъ и исправленія организаціи и управленія арміею. Въ комисію назначены были 10 опытныхъ членовъ, въ томъ числѣ и В. И. Суворовъ. Графъ Румянцовъ былъ въ это время въ Малороссіи, въ комисіи не участвовалъ, но мнѣніемъ его пользовались не рѣдко.

Практически же на дѣлѣ на долю Румянцова выпало быть первымъ преобразователемъ нашей кавалеріи и инструкторомъ для остальныхъ родовъ оружія.

Суворовъ говорилъ, что Румянцову *«нѣтъ равнаго»* и называлъ его своимъ учителемъ.

«Но Суворовъ командиръ суздальцевъ, говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ, еще далекъ отъ Суворова генералисимуса [3]). Онъ, какъ всякій человѣкъ и какъ *геній*, развивался постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, обста-

[1]) Бантышъ-Каменскій; Біографіи, ч. II, стр. 92. [2]) Сувор. Рукоп. Сборн., кн. 6, л.л. 80—82. [3]) Суворовъ былъ 3-й генералисимусъ; 1-й — А. Д. Меньшиковъ; 2-й принцъ Ант. Ульрихъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

новки и примѣровъ. Предпринявъ воспитаніе «витязей» и «чудо-богатырей», Суворовъ началъ со *школы*. Онъ выстроилъ двѣ школы для важныхъ чиновъ, раздѣлилъ ихъ на классы, составилъ учебники и самъ былъ въ числѣ преподавателей, слѣдилъ за всѣмъ *лично*, былъ и маіоромъ и адъютантомъ... и ефрейторомъ; самъ вездѣ все видѣлъ, каждаго выучить могъ. Строевыя его ученья всегда были горячія, съ примѣненіемъ къ боевой обстановкѣ».

Съ такою подготовкою подчиненныхъ Суворовъ двинулся съ полкомъ въ Польшу въ отрядъ генерала Нумерса. 22-го сентября 1768 года онъ былъ произведенъ въ бригадиры, но сдалъ полкъ лишь въ февралѣ 1770 года.

Совершивъ съ незначительными силами блестящіе поиски подъ Варшавой и Брестомъ, Суворовъ, послѣ орѣховской побѣды, назначенъ былъ командовать люблинскимъ раіономъ. Ландскрона и Столовичи, быстрые переходы, рѣшительность и мѣткость Суворовскихъ ударовъ обратили на себя вниманіе Фридриха Великаго, который совѣтовалъ полякамъ остерегаться Суворова.

Къ этому времени уже сказываются попытки Александра Васильевича улучшить и видоизмѣнить уставныя формы боеваго строя; преподавъ войскамъ цѣлый рядъ указаній для дѣйствій въ партизанской войнѣ, онъ предписывалъ имъ быстроту, неожиданность, овладѣваніе прежде всего артиллеріею противника, такъ какъ съ потерею батареи непріятель падалъ духомъ. Своимъ артилеристамъ Суворовъ говорилъ: «Натверживать въ память артилеристамъ непрестанно, чтобъ въ истинномъ дѣйствіи стрѣляли рѣдко, но весьма цѣльно; знали бы качество ихъ орудія и заряда; напрасно не стрѣляли бъ» [1]). Свыше полувѣка до того, въ одномъ изъ указовъ князю Репнину отъ 20-го августа [2]) 1704 года Петръ Великій, давая инструкцію для развѣдыванія, писалъ: «...провѣдывать про непріятеля, а провѣдавъ писать на двоя, которая самая правда, или слухъ, дабы тѣмъ бездѣльной тревоги не учинить». Суворовъ излагалъ ту же мысль такъ [3]): «Извѣстія суть троеобразныя: первыя — справедливыя, вторыя—сомнительныя, третьи—ложныя. Въ рапортованіи оныхъ означивать *свою мысль и осторожную догадку, совѣтъ и намѣреніе* [4]), не оставляя доносить о ложныхъ, ибо оныя иногда обращаются въ справедливыя, токмо, что въ рапортованіи оныхъ ихъ ясно различать».

Въ концѣ 1772 года Суворовъ прибылъ въ Петербургъ, а въ февралѣ 1773 года ему поручили осмотрѣть шведскую границу; 4-го апрѣля того же года, по постановленію военной колегіи, Суворовъ отправленъ былъ въ 1-ю армію, подъ начальство графа П. А. Румянцова.

---

[1]) Петрушевскій, I, 73. [2]) III т. Писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго, № 701. [3]) Н. Ф. Дубровинъ, стр. 88. [4]) Курсивъ подлинника.

Безъ малаго черезъ мѣсяцъ произошли знаменательные туртукайскіе поиски. При штурмѣ Туртукая любопытно отмѣтить, что намѣченный въ диспозиціи «разсчетъ стрѣлковъ и указаніе ихъ мѣстъ во время движенія совершенно соотвѣтствуютъ строю нашей колонны къ атакѣ, прикрытой цѣпью застрѣльщиковъ и переносятъ мысль къ новѣйшимъ войнамъ».

Награжденный орденомъ св. Георгія 2-го класса, Суворовъ поступилъ по новому росписанію войскъ въ отрядъ Потемкина. Послѣ дѣла при Гирсовѣ онъ съѣздилъ въ Москву и тамъ женился на кн. Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской, затѣмъ снова вернулся въ Гирсовъ... Вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды при Козлуджи, совершенно больной Александръ Васильевичъ уѣхалъ въ Бухарестъ.

Участіе въ усмиреніи пугачевскаго бунта, устройство Кубанскаго края и Крыма, пребываніе въ Астрахани и Казани быстро слѣдовали другъ за другомъ, а между тѣмъ «рядъ организаціонныхъ перемѣнъ и идей, положенныхъ въ основу обученія войскъ Румянцовымъ, Суворовымъ и Потемкинымъ переходили въ плоть и кровь русской арміи».

Передъ началомъ второй турецкой войны Суворовъ находился въ Херсони подъ начальствомъ Потемкина. Здѣсь 1-го октября произошло извѣстное кинбурнское дѣло, въ которомъ Суворовъ былъ раненъ картечью въ бокъ.

Въ Екатеринин день, 24-го ноября 1787 г. изъ Херсони Потемкинъ писалъ Суворову [1]: «За Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаетъ. Поздравляю васъ, мой другъ сердечный, въ числѣ андреевскихъ кавалеровъ. Хотѣлъ было я самъ къ тебѣ привезти орденъ, но много дѣлъ въ другихъ частяхъ меня удержали..., а теперь отъ избытка сердца съ радостью поздравляю. Дай Боже тебѣ здоровья, а обо мнѣ уже нельзя тебѣ не вѣрить, что твой истинный другъ К. Потемкинъ Таврическій. Пиши Бога ради ко мнѣ, сколько что тебѣ надобно».

Въ 1788 году Потемкинъ обложилъ Очаковъ, но на штурмъ его долго не рѣшался. Суворовъ принималъ участіе въ вылазкахъ и былъ раненъ. Не сочувствуя бездѣятельности главнокомандующаго, онъ уѣхалъ въ Кинбурнъ, а между тѣмъ 6-го декабря Очаковъ взятъ былъ штурмомъ.

Въ 1789 году 21-го іюля Суворовъ одерживаетъ побѣду при Фокшанахъ и вслѣдъ затѣмъ въ сентябрѣ за рымникское дѣло былъ возведенъ въ графы и получилъ Георгія 1-го класса.

Въ 1790 г. палъ Измаилъ и боевая слава Суворова установилась уже совершенно незыблемо и прочно. За 30 лѣтъ эти войны выработали и воспитали геній Суворова и дали ему право сказать, что «орлы рус-

---

[1]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 6, л. 34.

скіе облетали орловъ римскихъ». Не смотря на то, что Суворовъ былъ прежде всего практикъ военнаго дѣла, афоризмы его классически мѣтки.

«Генералу необходимо непрерывное образованіе себя науками съ помощью чтенія, говорилъ Суворовъ. Ему нужно мужество, офицеру—храбрость, солдату—бодрость. Никогда не презирайте вашего непріятеля, говорилъ онъ, каковъ бы онъ ни былъ и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать съ нимъ и сражаться, свои силы и его слабости.

Должно стремиться къ одной главной точкѣ и забывать о ретирадѣ. Быстрота и внезапность замѣняетъ число. Натискъ и ударъ рѣшаютъ битву и приступъ предпочтительнѣе осадъ.

Всякая война различна; здѣсь масса въ одномъ мѣстѣ, а тамъ громъ. Безпрерывное изученіе взгляда сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Властвуй счастьемъ быстротою Цезаря, столь хорошо умѣвшаго захватывать внезапно враговъ, даже днемъ, обращать ихъ куда ему угодно и побѣждать когда угодно...

Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поравняйся, обгони—слава тебѣ!...».

Дѣятельность Суворова въ Финляндіи, Херсонѣ и Польшѣ, завершенная штурмомъ Праги и третьимъ раздѣломъ, были послѣдними лучами славы надъ трономъ Екатерины II. Новое царствованіе отразилось и на судьбѣ Суворова. То тяжкая опала, то необычайная милость въ перебой чередовались и тяготѣли надъ нимъ.

Двѣ наиболѣе блестящія страницы его боевой жизни: четырехмѣсячный итальянскій походъ [1]) и швейцарскій подвигъ не смогли окончательно побѣдить силу несправедливой предвзятости и предразсудка.

Не одинъ разъ, при изученіи отечественныхъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія, приходитъ на мысль сопоставленіе военно-воспитательной работы Петра Великаго и Суворова. Условія ихъ дѣятельности, конечно, розпились, а между тѣмъ нельзя не отмѣтить ихъ тѣсную близость по самой основѣ преслѣдуемыхъ цѣлей.

Петръ Великій, считая, что каждый военнослужащій долженъ быть богобоязненнымъ христіаниномъ и «*христіанскаго житья*», ввелъ въ положительный законъ главу о страхѣ Божіемъ [2]). Суворовъ въ Новой Ладогѣ выстроилъ полковую церковь, школы и написалъ самъ для солдатъ молитвенникъ и краткій катехизисъ «дабы они (нижніе чины) познавали грѣхъ и наказаніе, коимъ 99 противъ сотаго правятся понынѣ, что тяжело и излишне» [3]). Рекрута учили: «Будь благочестивъ, уповай

[1]) Отъ 8-го априля (начало наступленія) по 4-е августа (ср. при Нови).
[2]) Воинскія статьи устава прежнихъ лѣтъ. «Сборн. военно-историч. матерьяловъ», вып. 9, стр. 13. [3]) Н. Ф. Дубровинъ. А. В. Суворовъ, стр. 73 и 74.

на Бога, молись Ему усердно»... И Петръ I и Суворовъ блюли солдатское званіе. Петровскому солдату предписывалось: *«беречися и стыдитися всѣмъ, которые ежиденъ съ оружіемъ обходятся то чинить, что простая чернь чинитъ и бездѣльниковъ и робячье дѣло есть»*. Суворовскій воинъ, глядя на своего учителя, «догадывался и познавалъ, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ нимъ и устремлялся къ честности».

«Никто не долженъ въ бою медлить, говоритъ Петръ Великій, а тѣмъ болѣе чинить «начало къ побѣгу».

Суворовъ изъялъ изъ своего словаря слова: *назадъ* и *отступать*; «слухъ, взоры и души своихъ воиновъ предостерегаетъ онъ отъ всякаго вида отступленія».

Можно привести цѣлый рядъ такихъ сопоставленій, сравнивая уставъ прежнихъ лѣтъ (1700—1705 гг.) съ суворовскою наукою побѣждать. Наконецъ, развѣ швейцарскій походъ Суворова не напоминаетъ прутской операціи Петра Великаго и не наводитъ на мысль сближающую тутъ и тамъ условія казавшейся безвыходности; не указываетъ не только на сопоставленіе Кантемира и Тугута, но и на тяжелую нравственную борьбу, завязавшуюся въ душѣ Петра и Суворова и на то, какъ вышелъ изъ этой борьбы великій Монархъ и великій полководецъ [1]).

Современникъ Александра Васильевича адмиралъ А. С. Шишковъ [2]) въ своихъ любопытныхъ запискахъ за время 1780 — 1814 г., между прочимъ, помѣтилъ: «Суворовъ больной, послѣ знаменитыхъ подвиговъ своихъ, возвращается въ отечественную столицу, увѣнчанный лаврами, но, неизвѣстно почему, подъ тѣмъ же гнѣвомъ, подъ какимъ былъ прежде. Онъ не долго былъ боленъ. 6-го мая 1800 года смерть прекратила дни его. Всѣ, или по крайней мѣрѣ многіе, не только къ нему больному, но даже къ тѣлу его, опасаясь немилости, появляться не смѣли. *Вотъ, что я видѣлъ своими глазами*: пріѣхавъ однажды, вошелъ я въ комнату, гдѣ онъ лежалъ въ гробу. Всѣхъ насъ было трое и четвертый — часовой съ ружьемъ. Князь Шаховской, лишившійся руки въ одномъ изъ сраженій, бывшихъ подъ предводительствомъ Суворова, смотря на него, сказалъ сквозь слезы: «За тобою слѣдуя лишился я руки моей. Встань! Я съ радостью дамъ себѣ отрубить другую». Мы съ нимъ прослезились и отдавъ послѣдній поклонъ праху великаго мужа, идемъ мимо часоваго, который, при отданіи намъ чести, казалось удерживался отъ плача. Взглянувъ на печальное лицо его мы спросили: Тебѣ также, какъ и намъ, жаль его? Онъ вмѣсто отвѣта залился слезами.

[1]) См. Прилож. къ № 281 Русск. Инв. 1900 г. Статьи З. А. Мышлаевскаго (Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ). [2]) «Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова», изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ, 1870 г., ч. I, стр. 63; курсивъ составителя.

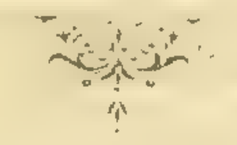
Вѣрно ты служилъ съ нимъ? повторили мы свой вопросъ; нѣтъ, отвѣчалъ онъ, рыдая, не привелъ Богъ!

«Погребеніе Суворова, не смотря на желаніе похоронить его просто [1]), было по великому стеченію народа превеликолѣпное! Всѣ улицы, по которымъ его везли, усѣяны были людьми. Всѣ балконы и даже крыши домовъ наполнены печальными и плачущими зрителями. Самъ Государь простымъ зрителемъ выѣхалъ верхомъ; и Самъ *при мнѣ* разсказывалъ, что лошадь Его окружена была народомъ, и двѣ женщины, не примѣтя, Кто на ней сидитъ, смотрѣли, облокотясь на Его стремена.»

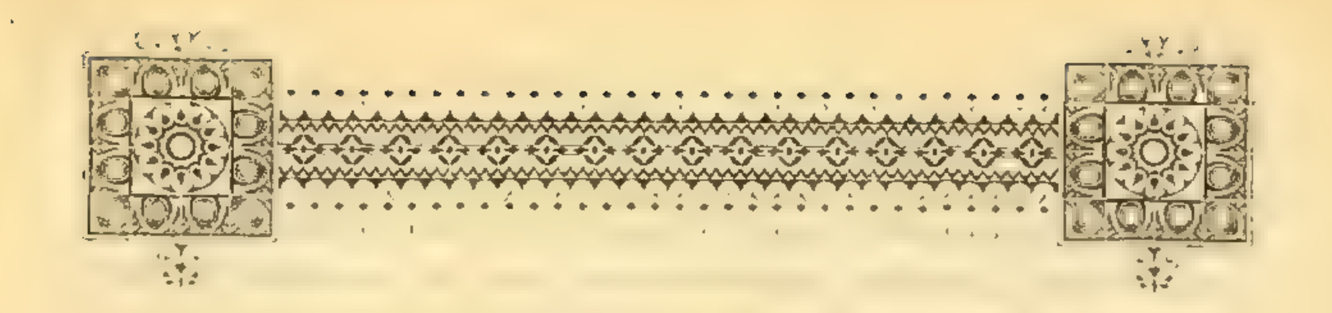
При провозѣ гроба сквозь ворота, когда нѣкоторымъ показалось, что онъ по тѣснотѣ не пройдетъ, извѣстно слово солдата, сказавшаго: «Не бось! пройдетъ! Вездѣ проходилъ!...». Вотъ, что записалъ Шишковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если предки наши признали Суворова Рымникскаго и Суворова Италійскаго, то потомкамъ теперь остается твердо увѣровать, что былъ и Суворовъ Сенъ-Готардскій!

Могуча, цѣльна, величава фигура Суворова, того Суворова, который принадлежитъ русской исторіи и нѣтъ сомнѣнія, что день столѣтія его кончины является днемъ дружной не только военной, но народной, общерусской тризны.

[1]) Изъ гвардейскихъ частей въ процессіи участвовала одна конная гвардія.

Рукописный Суворовскій Сборникъ.

Предисловіе.

Работая въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки надъ письмами и бумагами Императора Петра Великаго, собранными покойнымъ академикомъ Бычковымъ, мнѣ довелось ознакомиться съ тѣмъ рукописнымъ матеріаломъ эпохи Суворова, который находится въ распоряженіи нашего центральнаго книгохранилища.

Матеріалъ этотъ неизсякаемъ, но отнюдь не представляетъ чего либо новаго, неизвѣстнаго; напротивъ того, имъ пользовались такіе почтенные изслѣдователи, какъ Д. А. Милютинъ [1]) и А. Ѳ. Петрушевскій [2]); тѣмъ не менѣе, въ виду знаменательнаго Суворовскаго юбилея, окажется можетъ быть удобнымъ и своевременнымъ лишній разъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ рукописяхъ, о которыхъ А. Ѳ. Петрушевскій выразился такъ [3]): «Тутъ видны самыя затаенныя движенія души Суворова, раскрываются побужденія, объясняющія дѣйствія; отсюду выступаетъ неумытая истина. Въ глухіе періоды жизни Суворова «Суворовскій Сборникъ» представляется подчасъ единственной темой и матеріаломъ для его исторіи, служа также цементомъ для связыванія фактовъ и явленій, стоящихъ въ одиночествѣ безъ взаимной связи. Безъ него правдивое жизнеописаніе Суворова было бы невозможно». Слѣдуетъ замѣтить, что мѣсто храненія этихъ рукописей выбрано чрезвычайно удачно, такъ какъ имя Суворова тѣсно связано съ самымъ учрежденіемъ нашей публичной библіотеки, основаніемъ которой послужила библіотека Залусскихъ, взятая Суворовымъ въ покоренной Варшавѣ.

[1]) Д. А. Милютинъ. «Исторія войны» 1799 г.» [2]) «Генералиссимусъ кн. Суворовъ». Спб. 1884 г. [3]) Петрушевскій. «Генералис. Суворовъ». Т. III, стр. 420.

«Суворовскій Сборникъ» состоитъ изъ 14 томовъ переплетенныхъ рукописей и одной папки (въ 116 листовъ съ документами отъ 1760 года) [1]).

1-я книга Сборника заключаетъ въ себѣ 65 нумеровъ съ 24-мя приложеніями, преимущественно въ подлинникахъ за время съ 1771 по 1796 г. на 172 нумерованныхъ листахъ. Старѣйшій документъ (грамота на орденъ Георгія 3-й степени) относится къ 19-му августа 1771 г. (л. 12); самый поздній (рескриптъ съ приказаніемъ отрядить нѣкоторые полки въ непосредственное начальство генер. поруч. Хорвата) къ 10-му октября 1796 г. (л. 165).

2-я книга заключаетъ въ себѣ по большей части копіи подлинныхъ писемъ и указовъ за время 1771 г. по 1795 г., помѣщенныхъ въ подлинникахъ въ 1-мъ томѣ, а 3-я книга содержитъ 114 документовъ, частью собственноручныхъ, частью только подписанныхъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ; въ ней 167 листовъ (собственно 168, такъ какъ 11-й листъ помѣченъ дважды). Старѣшій документъ помѣченъ 15-мъ Іюля 1791 г.; позднѣйшій—20-мъ марта 1800 г. Сверхъ того здѣсь помѣщены шесть Высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ Суворову графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ и одно, изложенное въ письмѣ кн. Салтыкова (л. 19).

4-я книга (194 листа) содержитъ копіи съ рескриптовъ и указовъ Павла I и Екатерины II.

Въ 5-й книгѣ помѣщена офиціальная переписка съ А. В. Суворовымъ (52 письма) М. И. Донаурова, барона А. В. Васильева, графа Х. А. Ливена за время съ 1799 по 1800 гг.

6-я книга состоитъ изъ 84-хъ листовъ (изъ нихъ 42-й листъ утраченъ); она заключаетъ между прочимъ подлинныя письма Суворова къ кн. А. Ив. Горчакову (11-го февраля 1800 г.) гр. Ѳ. В. Ростопчину (14-го февраля) и девять писемъ къ Д. И. Хвостову, относящихся къ концу 1799 и началу 1800 года, а одно изъ нихъ (л. 72) безъ даты. Здѣсь же находится черновой набросокъ письма къ Потемкину (относящійся къ 1788 г.), начинающійся словами: «Voulès vous la vraye gloire» (л. 79) и цѣлый рядъ замѣтокъ.

Въ 7-й книгѣ (65 листовъ) въ числѣ прочихъ документовъ интересны 13 собственноручныхъ писемъ и рапортовъ адмирала Рибаса къ Суворову

[1]) Всѣ эти документы переданы были въ 1884 г. въ публ. библ. при содѣйствіи генер.-лейт. Петрушевскаго, княземъ Италійскимъ гр. А. А. Суворовымъ. Изъ числа 14 томовъ—12 принадлежали бывшему оберъ-прокурору св. синода гр. Д. И. Хвостову, женатому на племянницѣ А. В. Суворова—княжнѣ А. И. Горчаковой, съ которымъ Суворовъ велъ оживленную переписку и котораго онъ удостоивалъ особою довѣренностью. Послѣ смерти Хвостова бумаги перешли къ его вдовѣ, а отъ него къ кн. Алекс. Арк. Суворову. Отч. Импер. публ. библ. за 1884 г. стр. 10.

на французскомъ языкѣ (за время съ 1789 по 1790 г. лл. съ 1-го по 11-й и съ 13-го по 25-й) и одна копія съ письма его Суворову (л. 12); затѣмъ любопытна копія съ письма Суворова Екатеринѣ II отъ 19-го апрѣля 1794 г. и копія: 1) справки сколько не получили жалованья солдаты Преображенскаго полка, находившіеся при Суворовѣ (документъ этотъ видимо тоже относится къ 1794 г.); 2) вѣдомость суммѣ воинской на содержаніе войскъ и гарнизоновъ: комисаріата и провіантской, а также по артилер. и инженер. корпусамъ, опредѣленный ежегодно получепіемъ и отпускомъ главному кригсъ комисаріату; 3) чрезвычайно любопытный «Статъ всему полевому генералитету съ ихъ штабомъ и канцеляріею».

8-я, 9-я и 10-я книги заключаютъ по преимуществу переписку съ Д. И. Хвостовымъ [1]). Въ 8-й книгѣ помѣщены 38 писемъ Суворова къ Хвостову и 33 письма Хвостова къ Суворову съ приписками дочери, а иногда сестры Суворова М. В. Олешевой и 8 писемъ Хвостова къ А. В. безъ отвѣтныхъ замѣтокъ Суворова за время 1791—1792 г. Этотъ томъ очень интересенъ также какъ и 9-й, въ которомъ переписка эта продолжается за годы 1793—1795. Тутъ же между прочимъ помѣщенъ въ копіи генеральный приказъ Суворова отъ 12-го іюня 1793 г. и рапортъ его въ военную колегію отъ 30-го іюля 1793 г. Въ 10-й книгѣ мы находимъ продолженіе переписки Суворова и приближенныхъ къ нему лицъ съ Хвостовымъ за 1796—1797 г., т. е. за время пребыванія его въ Тульчинѣ и Кобринѣ. Здѣсь же, въ числѣ прочихъ, помѣщены 15 писемъ къ Хвостову адъютанта Суворова —Д. Мандрыкина за 1796—1797 г.

Въ 11-ую книгу [2]) вошли переписка и замѣтки Суворова въ Кончанскомъ въ 1798—1799 г. разныя бумаги и письма въ теченіе кампаніи 1799 и начала 1800 г. Тутъ находимъ мы и копію съ печатнаго донесенія Суворова изъ «Нови» 5-го августа 1799 г.

Въ 12-й книгѣ отмѣтимъ существенный пробѣлъ. Подлинныя письма и записки Суворова къ Д. И. Хвостову съ приписками къ дочери Нат. Алекс. и замѣтки А. В. всѣ (какъ и другіе документы этой книги) безъ означенія времени ихъ написанія и, судя по ихъ содержанію, относятся къ разнымъ эпохамъ жизни генералиссимуса.

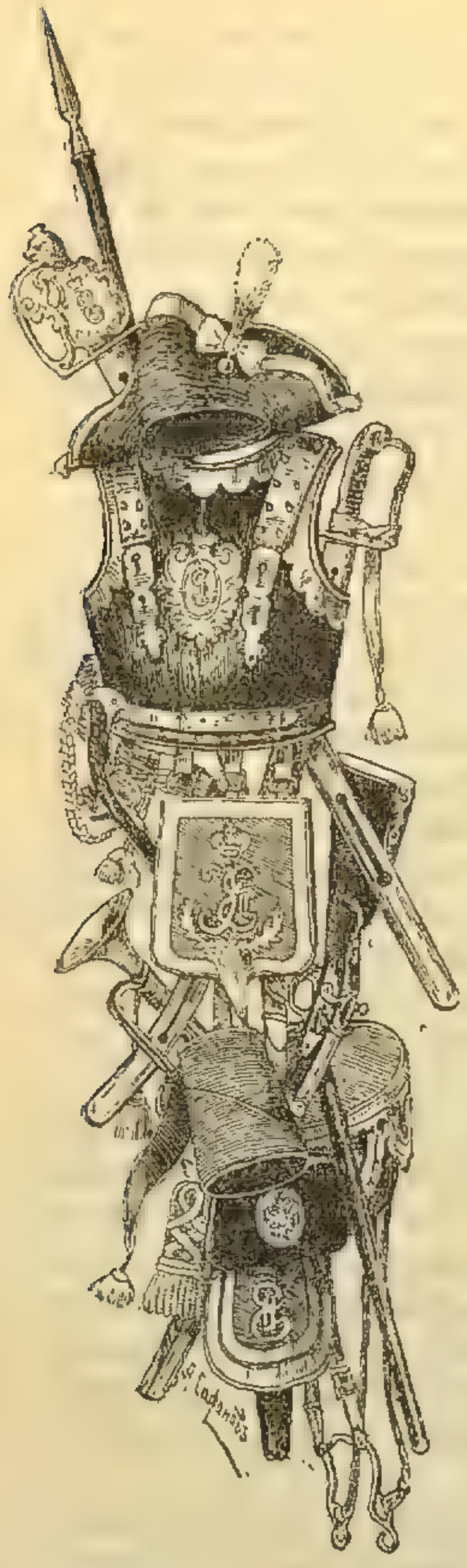
[1]) 8-я книга состоитъ изъ 244 нумерованныхъ листовъ (на самомъ дѣлѣ ихъ только 241, такъ какъ лл. 36, 37 и 222 утрачены, а л. 45, 210 и 211 повреждены); 9-я книга имѣетъ 281 листъ (изъ нихъ 28, 77, 78, 79, 197, 198 и 216 утрачены, а на 26-мъ подпись Суворова вырѣзана; 10-я книга имѣетъ 256 листовъ (изъ нихъ 7 листовъ утрачены). [2]) Всего 161 стр. (4 листа утрачены); въ 12-й книгѣ 238 листовъ (10 изъ нихъ утрачены и часть 18-го листа—отрѣзана; въ 13-й книгѣ 122 листа (листъ 51 помѣченъ дважды); 14-я книга состоитъ изъ 250 стр.

13-я книга содержитъ документы, касающіеся преимущественно похоронъ Суворова, а 14-я книга—копіи съ разныхъ документовъ (копіи сняты были въ 1808 г. для Д. И. Языкова).

Въ упомянутой уже особой папкѣ имѣются въ высшей степени интересныя письма и замѣтки самого А. В. Суворова. Между прочимъ на 1-мъ листѣ подлинная, помѣщенная здѣсь, замѣтка его на итальянскомъ языкѣ о времени рожденія: «jo son nato 1730 il 13-ro Novembre» и о прохожденіи службы по 1756 г. Здѣсь же, въ приложеніи къ письму Р. Я. Качалову отъ 3-го марта 1789 г., находимъ мы планъ сраженія при Кинбурнѣ съ 1-го на 2-е октября 1787 г. и копію съ письма А. В. Суворова къ ген. П. А. Текелли отъ 1-го февраля 1788 г. съ описаніемъ кинбурнскаго дѣла.

Коснувшись такимъ образомъ исключительно внѣшней, описательной стороны этихъ цѣнныхъ документовъ, попытаюсь вкратцѣ затронуть внутреннюю, духовную сторону нѣкоторыхъ изъ наиболѣе любопытныхъ бумагъ «Суворовскаго Сборника», привести нѣкоторыя ихъ выдержки и освѣжить въ памяти мысли и мѣткіе пріемы великаго отца «чудо богатырей».

I.

На рукописяхъ Суворова съ рѣдкою опредѣленностью сказалась старая истина, высказанная когда-то французскимъ ученымъ: слогъ — это человѣкъ (le style c'est l'homme).

Въ письмѣ отъ 7-го сентября 1791 года изъ Роченсальма [1]) Александръ Васильевичъ въ нѣсколькихъ строкахъ мѣтко очертилъ душевное свое состояніе за время всей своей служебной дѣятельности по 1791 годъ: «*страдалъ я на концахъ войны: прусской* [2]) — *проигралъ старшинство; Польша—былъ шпицрутенной; прежней турецкой—ссылки съ гонорами; Крымъ — Кубань—проскрипціи; нынѣ благотворностью провидѣния наставленіемъ (....примѣтте силу слова) чуждъ. Но каково вамъ это и мнѣ!*».... и далѣе: «*и се вамъ судбы не порочныхъ въ должностяхъ*».

Суворовъ, по словамъ одного изъ его біографовъ начала нынѣшняго вѣка [3]), обладая образнымъ мѣткимъ слогомъ, умѣлъ смѣло сближать отдаленныя и противоположныя выраженія и мысли: «*Вы вѣчны! вы кратки!*» писалъ онъ Потемкину [4]), а во время своего альпійскаго перехода, отдыхая на соломѣ, говорилъ Милорадовичу: «Ты русскій, ты

[1]) Рукописное отдѣленіе Импер. публ. библ., «Рукописн. Суворовскій Сборникъ», кн. 8, листъ 28. [2]) Орфографія подлинника сохранена. [3]) Сергѣй Глинка. «Жизнь Суворова», Собраніе писемъ и сочиненій его, ч. I, стр. 1. Москва 1819 г. [4]) «Жизнь Суворова», Москва 1819 г., ч. I, стр. 88.

знаешь трехъ сестеръ: Вѣру, Любовь и Надежду. Съ ними слава и побѣда; съ ними Богъ!».... [1]).

Совершенно также умѣлъ Суворовъ сблизить въ своей великой душѣ простоту, скромность, евангельскую нищету духа съ величіемъ и мощью. Обязанный своимъ образованіемъ преимущественно самому себѣ, онъ изучилъ войсковое хозяйство въ цѣломъ рядѣ пестроевыхъ должностей, откомандовавъ послѣдовательно двумя кавалерійскими [2]) и двумя пѣхотными [3]) полками, Суворовъ всесторонне освоился съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ такъ безпримѣрно умѣлъ распорядиться. Въ дѣлѣ воспитанія солдата онъ продуманно шелъ къ цѣли, хорошо зная, чего хочетъ, внѣдряя свою солдатскую науку не столько внѣшними пріемами, сколько заражая подчиненныхъ ея духомъ.

Своимъ богатырскимъ слогомъ изложилъ онъ въ «Ученіи разводномъ или передъ разводомъ» тѣ пріемы, которые онъ прочно испыталъ на своихъ суздальскихъ богатыряхъ.

Пріемы эти живы во всей ихъ духовной неприкосновенности и въ наши дни. Выдержки этой суворовской памятки можно отыскать на стѣнахъ любой нашей казармы, въ видѣ памятныхъ таблицъ, какъ нѣкогда въ эпоху Петра I—выдержки «Устава прежнихъ лѣтъ».

Нерѣдко доводилось наблюдать, какъ сильно дѣйствовали эти безхитростныя суворовскія слова на современнаго молодаго новобранца, который—кто бѣгло, кто по складамъ, читалъ, что «солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшительну, справедливу, благочестиву. Молись Богу! Отъ Него побѣда! Чудо богатыри! Богъ насъ водитъ! Онъ намъ Генералъ...»

Если въ Пруссіи Суворовъ *«проигралъ старшинство»*, а Польша была для него *«быть шпицрутенной»*, то первая въ эпоху семилѣтней войны осталась для него военной школой, дала ему основательный боевой опытъ, который онъ широко примѣнилъ во-второй. Кунерсдорфъ, участіе въ набѣгѣ Чернышева на Берлинъ, начальствованіе партизанскими отрядами въ легкомъ корпусѣ Берга, наблюденіе надъ неурядицами военно-административными и строевыми, пятилѣтнее командованіе Суздальскимъ полкомъ—вотъ на почвѣ какого опыта развилъ Суворовъ свою кипучую дѣятельность въ Польшѣ.

«Глазомѣръ, быстрота, натискъ», знаніе характера своего противника, приводятъ къ ряду побѣдъ надъ конфедератами (Ландскрона, разгромъ Пулавскаго, Столовичи, Краковъ). Дѣла при Ландскронѣ, Раховѣ и Красникѣ вызвали со стороны Александра Васильевича собственноручное

---

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 201. [2]) Временно Тверскимъ драгунскимъ, а затѣмъ Архангелогородскимъ. [3]) Сначала Астраханскимъ, а въ началѣ 1763 г. Суздальскимъ.

письмо къ бывшему Суздальскому сослуживцу поручику Николаю Дмитріевичу Грабленову слѣдующаго содержанія:

«Благородный и почтенный господинъ поручикъ за оказанную вашимъ благородіемъ сего году февраля въ 9-й при атакѣ и штурмѣ Ландсковена (Ланцкороны) и въ 17-й день того же мѣсяца при нападеніи на часть партіи мятежниковъ Ра(зз)инскаго, Пулавскаго, Саввы и Словушевскаго въ Раховѣ и прогнаніи оной изъ-подъ Красника.

(За) храбрость, мужество и неустрашимость коего я себя почитаю довольнымъ, вашему благородію оказываю мною благодарность, чего и впредь отъ Вашего благородія видеть льщусь. Вашего благородія покорный слуга Александръ Суворовъ. 22-го апрѣля 1771 г. г. Люблинъ. Его Благородію Грабленову».

Все письмо помѣщено на одной страницѣ полулиста бумаги, на которой обыкновенно (судя по сохранившимся письмамъ) и писалъ Суворовъ; отъ начала до конца — собственноручное и хранится въ семейномъ архивѣ Теляковскихъ.

Если Турція и Румянцевская эпоха были *«ссылки съ гонорами»*, а Крымъ—Кубань—*«проскрипціи»*, то «Туртукайское дѣло» однимъ изъ красугольныхъ камней легло въ пьедесталъ Суворова-полководца, а организаціонная работа его на Кубани осталась ему по сегодняшній день великимъ историческимъ памятникомъ.

Но сколько внутренней борьбы пережилъ Суворовъ! Борьбу эту онъ прекрасно охарактеризовалъ въ письмѣ къ главноначальствовавшему въ Польшѣ Александру Ильичу Бибикову [1]), прибывшему туда въ 1771 году на смѣну И. И. Веймарна, съ которымъ Суворовъ не всегда жилъ въ ладу:

«...никогда самолюбіе, часто производимое мгновеннымъ порывомъ не управляло моими дѣяніями», писалъ Суворовъ, «я забывалъ себя тамъ, гдѣ надлежало мыслить о пользѣ общей. Суровое воспитаніе въ свѣтскомъ обхожденіи, но нравы невинные и естественное великодушіе, облегчали мои труды...» и далѣе: «трудолюбивая душа должна всегда заниматься своимъ ремесломъ: частое упражненіе ее такъ же оживотворяетъ, какъ обыкновенныя движенія подкрѣпляютъ тѣло» [2]).

Легко понять, какую желѣзную силу воли приходилось Суворову проявлять въ этой работѣ надъ своимъ внутреннимъ міромъ, въ то время, когда вокругъ неприязнь къ его дѣятельности сказывалась и часто и

[1]) Подлинникъ на французскомъ языкѣ, которымъ Александръ Васильевичъ владѣлъ въ совершенствѣ; Суворовъ, кромѣ того, зналъ нѣмецкій, итальянскій, финскій, польскій и турецкій языки; читалъ классиковъ. [2]) Жизнь Суворова, ч. I, стр. 21, изд. 1819 г.

настойчиво: въ Германіи, въ Польшѣ, на Дунаѣ [1]), въ Финляндіи, Вѣнѣ [2]) и особенно въ Петербургѣ.

Хотѣніе и познаніе, воля и умъ (отвлеченно противополагаемые другъ другу, а въ дѣйствительности неразрывно между собою связанные), находили себѣ повидимому необыкновенно уравновѣшенное, законченное сочетаніе въ нравственномъ обликѣ Суворова.

*Само*развитіе, *само*образованіе, *само*воспитаніе, а слѣдовательно и *само*совершенствованіе, на почвѣ наслѣдственно подготовленной къ воспринятію лучшихъ качествъ великорусскаго ума и желѣзной воли, сдѣлались важнѣйшими дѣятелями въ жизни Суворова, не только въ смыслѣ его индивидуализаціи, но и въ смыслѣ всего его существованія вообще. Такой человѣкъ, конечно, не могъ не оказывать сильнаго воздѣйствія и на среду, въ которой жилъ.

Суворовъ всегда, какъ провидецъ, ясно самъ представлялъ себѣ и чувствовалъ то, чего хотѣлъ, и этимъ самовнушеніемъ увлекалъ, заражалъ своихъ подчиненныхъ, былъ для нихъ отцомъ, учителемъ и товарищемъ и дѣйствительно, въ работѣ административной, въ дѣлѣ мирнаго обученія и въ особенности въ военное время подчиненные эти хотѣли его хотѣніемъ, воспринимали его цѣль, какъ свою, забывали съ нимъ свои физическія немощи, какъ бы уединоличивались съ нимъ, вотъ отчего Суворовъ такъ ревниво всегда охранялъ свое единогосподство:

«...*лишь бы не было двугосподства*», писалъ онъ [3]). Будучи русскимъ человѣкомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, Суворовъ врядъ ли могъ быть всегда понятымъ современными ему людьми Европейскаго запада. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ кончины его, образованные французскіе писатели [4]) находили возможнымъ и справедливымъ такъ харак-

[1]) Нелады его съ Потемкинымъ, которому Суворовъ не стѣснялся высказать правду даже письменно. Тамъ же, стр. 86 «*Всякій имѣетъ свою систему*», писалъ Суворовъ Потемкину, «*такъ и по службѣ я имѣю мою. По естеству, или случаямъ одинъ способенъ къ первой роли, другой ко второй!—не въ своей роли!—испортятъ*» (стр. 87) и далѣе: «*Кто у васъ отнимаетъ, свѣтлѣйшій князь! Вы великій человѣкъ! Вы начальникъ начальниковъ! Вы говорите: ихъ слава—ваша слава! Ктожъ изъ нихъ за нею бѣгаетъ, она бѣжитъ отъ того. Истина благосклонна одному достоинству. Милостивый государь! Добродѣтель всегда гонима. Покровительство ближе всѣхъ къ вамъ! Вы вѣчны! Вы кратки! въ него я себя поручаю*». Потемкинъ, однако, несмотря на размолвку, цѣнилъ Суворова въ минуту нужды и опять призывалъ его къ Очакову: «Мой другъ сердечный», писалъ Потемкинъ, «лодки бьютъ, корабли и пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ. Христосъ посреди насъ! Боже! дай тебя найти въ Очаковѣ!...» [2]) Тугутъ и вѣнскій кригсъ-ратъ. [3]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 8, листъ 58. [4]) Полковникъ Брахо (Brahant, chef de la section historique au ministère de la guerre). Pascal, Du Camp, Cristian и др. Galerie des victores et conquêtes de l'armée française, т. III, стр. 465 и 486; Парижъ, 1850 г.

теризовать его: «...говорили, будто этотъ *необразованный* варваръ (barbare à l'esprit inculte) былъ величайшимъ современнымъ воиномъ, что онъ усовершенствовалъ примѣненіе штыка и что ничто не могло противостоять стремительности его татаръ (?); вспоминались его польскія кампаніи, въ кототорыхъ онъ показалъ себя такъ жестоко безпощаднымъ, его турецкія войны, въ которыхъ онъ раздавилъ Османовъ, а ужасныя подробности штурма Измаила были на устахъ у всѣхъ. Впрочемъ, Суворовъ представлялъ странное сочетаніе качествъ и недостатковъ, простоты и оригинальности. Одаренному большой энергіей, быстрымъ глазомѣромъ на полѣ сраженія, Суворову въ трудныхъ обстоятельствахъ не доставало хладнокровія и онъ не въ состояніи былъ усвоить стратегическаго плана, разумно соображеннаго, имѣя неточныя понятія о правильномъ и методичномъ употребленіи 3-хъ родовъ оружія. Все военное искусство по его мнѣнію заключалось въ энергіи порыва и въ употребленіи штыка».

Жомини, говоря о величайшемъ подвигѣ Суворова—его швейцарскомъ походѣ, выразился такъ: «Никакія выраженія не смогутъ передать весь ужасъ этого отступленія (ce que cette retraite avait d'horrible)».

Любопытно, что этотъ «необразованный варваръ» не только основательно знакомъ былъ съ военною исторіей, включая Фридриховскіе образцы, владѣлъ пятью европейскими языками, зналъ классиковъ, много перечелъ и былъ солидно образованъ, но онъ еще и слѣдилъ безъ устали за текущими европейскими событіями, выписывая современныя ему газеты и журналы:

«Баронъ Фабіянъ Вильмовичъ!», писалъ Суворовъ 2-го ноября 1791 года изъ Вильманстранда барону Сакену, «Я держалъ газеты нѣмецкія гамбургскія, вѣнскія, Берлинскія, эллангеръ: французскія Бареннъ, курье де лондръ; варшавскія польскія: Санктпетербургскія, или московскія русскія: французскій малый журналъ, анциклопедикъ де бульіонъ, немецкій гамбургскій политическій журналъ; какъ годъ въ исходѣ и надлежитъ заказать на будущій новыя, то покорно прошу вашего высокоблагородія принять сей трудъ на себя съ тѣмъ, не изволите ли вы прибавить нувель экстраординеръ...» [1]).

Европа признавала, повидимому, Суворова почти полудикимъ воиномъ, одареннымъ только нѣкоторымъ инстинктомъ войны. Почтенные военные авторитеты въ свое время [2]) опровергали этотъ взглядъ, доказавъ его наивное невѣжество.

«Суворовъ», говоритъ Милютинъ, «возсталъ всею силою насмѣшки и презрѣнія противъ школьнаго педантизма, но самъ умѣлъ превосходно употреблять и демонстраціи, и обходы, и маневры—какъ средства *вспомогательныя* для облегченія успѣховъ своего оружія». Суворовъ считалъ

[1]) Рукописи. Суворовск. Сборн. кн. 8, л. 49, помѣта: «№ 16». [2]) Милютинъ Истор. Войны т. V, стр. 290.

своими наставниками въ военномъ дѣлѣ Аннибала, Юлія Цезаря, Тюреня, Конде, Фридриха Великаго.

Въ военныхъ наставленіяхъ крестнику своему Александру Карачею Суворовъ писалъ «по званію военнаго человѣка вникай прилежно въ сочиненія Вобана, Кугорна, Кюрасса, Гюбнера.... Внимательно читай Евгенія, Тюреня, записки Юлія Кесаря, Фридриха втораго, первыя части Роленой Исторіи и мечтанія Графа де Сакса...»; и далѣе прибавилъ: «храни въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйся ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирай никогда непріятеля своего, каковъ бы онъ ни былъ; старайся узнать его оружіе и способъ какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается; изслѣдуй силы и слабость его. *Привыкай къ дѣятельности неутомимой.* Управляй счастіемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряй себѣ счастье быстротою Кесаря, который умѣлъ удовлетворять непріятеля своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ и въ то время, когда желалъ...» [1]). Вотъ каковы были взгляды этого «необразованнаго варвара».

Неутомимая дѣятельность, о которой писалъ Суворовъ, была для него самого привычкой и потребностью его натуры. Онъ, какъ и Петръ Великій, жилъ всегда мыслью о томъ, что именно еще изъ предпринятого дѣла оставалось недодѣланнымъ. Торопясь въ работѣ, онъ дорожилъ временемъ: «*но выше денегъ время страшно*», писалъ Суворовъ [2]). Преслѣдуя «*лѣноуміе*» [3]), онъ требовалъ прежде всего законченности «*предположенное неокончить—Божій гнѣвъ! стерегитесь моего разбору*» [4]), писалъ онъ Алекс. Лукичу Симанскому 4-го іюня 1792 г.

И работа всегда и вездѣ кипѣла: 1791—1792 годъ застаетъ Суворова въ Финляндіи, гдѣ онъ, произведя рекогносцировку границы, составилъ проектъ ея укрѣпленія и выполнилъ его. «*Здоровье солдатъ слава Богу утверждено; дисциплина идетъ по степенямъ*», писалъ онъ [5]). Малѣйшія проволочки, задержки въ работахъ и въ доставкахъ матеріала искренно огорчали его: «*проклятые немогзнайки, истинно голово лѣтитъ*»! восклицалъ онъ [6]). Между тѣмъ курьеры летали между Кюменьгородомъ и Петербургомъ, выискивались нужные и полѣзные люди, писались любопытныя инструкціи [7]): «1) строгая субординація надъ

[1]) Жизнь Суворова ч. II, стр. 63. Москва 1819. [2]) Рук. Сув. Сборн. кн. 8, л. 166. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 8, л. 71. «Петръ Григорьевичъ (Корицкій) доброй человѣкъ, но *лѣноуміе его непрепобедимо...*» (1-го марта 1792 г.); также листъ 166 въ письмѣ къ Д. И. Хвостову: «...Алекс. Лукичъ Симанскій. . . . . довольно въ природѣ *лѣноуменъ*, нѣжно мужайте его» (безъ даты). [4]) Тамъ же кн. 8, л. 153. [5]) Тамъ же кн. 8, л. 166. [6]) Тамъ же кн. 8, л. 147. [7]) Тамъ же кн. 8, л. 147. Собственноручная инструкція Якову Якимовичу Мерлину по вопросу о доставленіи извести и матерьяловъ для крѣпостныхъ сооруженій.

начальниками судовъ; 2) отыскивать непрестанно запасныя суда со всевозможностью; 3) Александра Лукича» (Самарскаго) «содержать въ движеніи къ успѣху до окончательности [1]); 4) мнѣ писать всякую почту и на всякой случай, кромѣ что моремъ; 5) хотя какія разчисленія отсюда и будутъ, но мѣстныя лучше; 6) части судовъ съ 11-го іюня (около мѣсяца позже) прибывать начали, здѣсь будетъ цвѣсти поспѣшность: однимъ въ задъ, другимъ въ передъ всѣ вѣтры полѣзны...»

На отдѣльныхъ листкахъ часто безъ даты и безъ общепринятаго обращенія, Суворовъ излагалъ Д. И. Хвостову свои планы и намѣренія [2]).

Но во всей этой дѣловитой перепискѣ чувствуется, что старый воинъ тяготится мирной административной работой, чутко прислушивается къ побѣдамъ Кутузова [3]), князя Репнина [4]), думаетъ о Польшѣ, скорбитъ о мелкихъ непріязняхъ завистниковъ и утѣшается тѣмъ, что «*чистому все чисто*» [5]).

Съ грустью пишетъ Суворовъ въ Ильинъ день 1792 года изъ Кюменьгорода Д. И. Хвостову [6]) «...Да будетъ воля Божія и матери отечества. Смертный помнитъ смерть, она мнѣ недалека. Сего 23 октября 50 лѣтъ въ службѣ; тогда не лучше ли кончить мнѣ непорочной карьеръ. Бѣжать отъ мира... готовить душу на преселенія, ежели вовсѣ мнѣ употребленія предусмотрено не будетъ...».

Но духъ борьбы живетъ въ маститомъ полководцѣ; человѣкъ обширнаго ума, онъ 20 лѣтъ до того на равнинахъ Польши съ презрѣніемъ отзывался въ письмѣ къ А. В. Бибикову [7]) о неумѣстныхъ можетъ быть въ то время политическихъ переговорахъ, съ «іезуитами», когда въ его рукахъ былъ побѣдоносный мечъ; въ 1792 году изъ Роченсальма онъ пишетъ [8]). «*Политическая война не безславнѣе истинной*», а въ письмѣ отъ 30-го іюля [9]) замѣчаетъ: «ихъ самихъ оружіемъ побѣждать зависть. Да! 50 лѣтъ въ службѣ, 35 лѣтъ въ безпрестанномъ употребленіи, нынѣ ракъ на мели. Что!?.... Надлежитъ исподволь разогнутся. Круто подняться въ верхъ... Изготовся атакуй честно, разумно, смѣло... чухон(ская) служба смерть. Все равно, только не захребетникъ.... Тюренъ Мазарину опрокинулъ на карту стаканъ воды. Теперь перейдутъ

---

[1]) А у Петра Великаго: «Сатурнусову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть» III т. Пис. и Бумагъ № 673. [2]) Рукоп. «Сувор. Сборн.» кн. 8, л. 163. № 673. [3]) 4-го іюня при Бабадѣ. [4]) 28-го іюня при Мачинѣ. [5]) Рукописн. «Сувор. Сборн.» книга 8, 197 (31-го іюля 1792 г. изъ Кюменьгорода). [6]) Тамъ же кн. 8, л. 184. [7]) Жизнь Суворова, ч. I, стр. 42. Москва, 1819 г. Переговоры съ австрійскимъ генераломъ д'Алтона. [8]) Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 8, л. 163. [9]) Тамъ же кн. 8, листъ 195; къ Д. И. Хвостову. Здѣсь приведены лишь выдержки всего письма съ значительными пропусками. Д. И. Хвостовъ былъ женатъ на племянницѣ Суворова (дочери сестры Александра Васильевича Анны Васильевны и Князя Ивана Романовича Горчакова) Аграфенѣ Ивановнѣ.

Рейнъ. Миръ и вѣрно съ Польшею миръ; все равно я здѣсь и инде безъ стыда...»

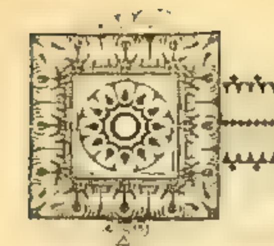
Въ концѣ письма однако Суворовъ добавилъ: «Я ползать не могу; валисъ хоть Вавилонъ; по всему сему мнѣ одно пристанище у мощей моего отца, или лучше доколѣ не обращусь въ общій прахъ: стремись душа моя въ восторгѣ къ небесамъ, или препобѣждай отъ козней стыдъ и срамъ».

Были однако у Александра Васильевича и сочувствовавшіе ему друзья, иногда поддерживавшіе его у центральной власти [1]); въ числѣ ихъ былъ и П. И. Турчаниновъ, которому Суворовъ 16-го сентября 1792 г. писалъ: «...пора меня въ полѣ; здѣсь я захребетникъ»...

Желанію этому суждено было исполниться лишь черезъ два года.

[1]) Петръ Ивановичъ Турчаниновъ. Письма его къ А. В. Суворову. Рукоп. Сувор.-Сборн. кн. 8, л. 84 (14-го марта 1792 г.) и л. 180 (16-го іюля 1792 г.); сравни л. 184.

II.

Въ 7 книгу Суворовскаго Сборника включены 13 собственноручныхъ писемъ и рапортовъ адмирала Осипа Михайлавича де-Рибаса къ А. В. Суворову. Любопытно сопоставить ихъ съ сохранившимися письмами къ нему Суворова. Испанецъ по происхожденію, Осипъ Михайловичъ родился въ Неаполѣ, содѣйствовалъ поимкѣ самозванной княжны Таракановой и, заручившись покровительствомъ Гр. А. Г. Орлова, пріѣхалъ въ Россію; въ Петербургѣ онъ сблизился съ Бецкимъ и женился на воспитанницѣ его Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой; впослѣдствіи де-Рибасу порученъ былъ надзоръ за гр. А. Г. Бобринскимъ, съ которымъ онъ путешествовалъ за границей, а въ 1779 году, сдѣлавшись любимцемъ Потемкина, онъ, въ чинѣ подполковника, представилъ ему проэктъ улучшенія флота и вскорѣ получилъ въ командованіе карабинерный полкъ, а во вторую Турецкую войну отличился на сушѣ и на морѣ. Въ 1793 г., вмѣстѣ съ производствомъ въ чинъ вице-адмирала, де-Рибасъ былъ назначенъ командиромъ Черноморскаго гребнаго флота.

Боевую славу де-Рибаса составило главнымъ образомъ дѣло 14 сентября 1789 г., когда онъ, предводительствуя ввѣреннымъ ему деташментомъ, въ виду всего турецкаго флота, взялъ штурмомъ замокъ Гаджибей (нынѣшнюю Одессу). 3 октября того же года Осипъ Михайловичъ получилъ Георгія 3-й степени, а черезъ годъ, 20 декабря 1790 г., за разбитіе Турецкой флотиліи въ нижней части Дуная и за овладѣніе крѣпостями Тульчею и Исакчею—Георгія 2-й степени.

Суворовъ велъ съ де-Рибасомъ оживленную переписку на французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, сохранившихся въ семейномъ архивѣ С. Н. Новосильцова, въ цѣломъ видѣ не появлялись въ печати; выдержки ихъ, приведенныя ниже въ подлинникѣ и переводѣ, представятъ, можетъ быть, нѣкоторый интересъ [1]).

[1]) Сувор. Рукоп. Сборн. кн. 7; л.л. 1 — 11; 13 — 25; копія съ письма де-Рибаса Суворову (л. 12); въ Русскомъ Архивѣ за 1866 г. (стр. 970) на-

Подлинникъ.

Kinbourn le 11 janvier 1788 г.

J'ai reçu votre charmante lettre sans date et j'y réponds le même moment; ainsi votre absence était la cause de votre silence. Vous me charmez le plus par votre petit régistre Timk: Roustch: et Sadow: ajoutez le au précédent et faites vos instances; ce serait une ingratitude, si (j'étais) à charge au magnanime Prince, une ingratitude aussi, s'ils (étaient) oubliés. L'un ou de R. ou de D. ou tous deux nageant dans le thé, lorsque nous l'étions dans le sang, m'avaient atterré; je puis manquer de reconnaissance et aprés de distinction. La brave poignée de 400 piétons, tout mon reste, a donné le grand branle, mais la cavallerie décida; les Dragons manquaient encore; le choc fut rude au milieu des barbares, l'impulsion massive, partout la pointe fut arrosée de sang.

1 verste dura le premier trait de carnage; elle ne s'étonna, que vers l'estacade, objet tout nouveau pour moi-même. Je vous renvois donc ce petit régistre. Servez vos prochains.

Переводъ.

Кинбурнъ 11 января 1788 г.

Я получилъ ваше милое письмо безъ даты и тотчасъ на него отвѣчаю; итакъ ваше отсутствіе было причиною вашего молчанія. Вы меня наиболѣе чаруете вашимъ маленькимъ спискомъ Тимк. Рутч. и Садов. прибавьте его къ предъидущему и просите; было бы неблагодарностью, если бы я былъ въ тягость великодушному князю; но было бы неблагодарностью также, если бы они были забыты. Одинъ изъ нихъ, или Р, или Д, или оба, плавая въ чаю, пока мы плавали въ крови, меня поразили; я могу погрѣшить въ благодарности, а затѣмъ и въ благородствѣ. Храбрая горсть въ 400 пѣхотинцевъ, весь мой остатокъ (резервъ), дала великій (рѣшающій) толчекъ; но кавалерія рѣшила; драгунъ еще не доставало; ударъ былъ силенъ въ средину варваровъ; импульсъ массовый; по всюду остріе было обагрено кровью.

Одну версту продолжался первоначальный порывъ разрушенія, онъ (пріостановился) лишь у эстакады, вещь для меня совершенно новая. Посылаю вамъ этотъ списокъ. Услуживайте ближнимъ.

печатано 50 писемъ Суворова къ Дерибасу (съ 22 Сент. 1789 г. по 1796 г.). Дополненіемъ къ этимъ письмамъ служитъ «Recueil de lettres du F. Maréchal Souvoroff à M. de Ribas», повидимому современная рукопись на 29 листахъ съ карандашною помѣтою руки В. В. Стасова о принадлежности ея С. Н. Новосильцову. Въ рукописи этой собраны копіи писемъ Суворова къ де-Рибасу, самое раннее изъ Кинбурна (11 Января 1788 г.); послѣднее изъ Варшавы (отъ 4/15 Сентября 1795 г.). Рукопись эта передана мнѣ А. А. Красовскимъ и была повидимому извѣстна А. Петрушевскому, который во 2-мъ изданіи своей книги (1900 г. стр. 805) говоритъ о ней вкратцѣ въ дополнительныхъ источникахъ. Мѣстонахожденіе оригиналовъ, съ которыхъ сняты эти копіи, до сихъ поръ не выяснено.

. . . . . . [1]) Mahomet dit on était lui même chrétien, la fin se comprend. Je réponds à toutes vos lettres; c'est assez; chez moi ne prenez pas ombrage. Pour le reste vous connaitrez Soubise. Bonne santé et gloire au P. et á Vous.

. . . . [1]) Магометъ говорятъ былъ самъ христіаниномъ, конецъ понятенъ. Я отвѣчаю на всѣ ваши письма; довольно; у меня не берите тѣни. Для прочаго вы будете знать Субиза. Добраго здоровья и славы (князю) и вамъ.

Къ письму приложенъ списокъ рекомендуемыхъ Суворовымъ къ наградѣ и поощренію лицъ.

Въ письмѣ къ де-Рибасу отъ 1 марта 1788 г. изъ Кинбурна Суворовъ пишетъ [2]): «*почти каждый подчиненный найдетъ предлогъ къ неудовольствію въ отношеніи своего начальника за свои удобства или ошибки; хорошо еще въ мирное время, но случись здѣсь операціи,—мнѣ нужно больше помощниковъ; на все меня не хватаетъ, или скоро буду безъ жизни, или памяти*».

«Я игнорирую ваши недостатки», пишетъ въ другомъ мѣстѣ [3]) Суворовъ де-Рибасу, но знаю ваши качества; частыя случайности сблизили меня съ вами и я былъ въ нихъ не лицемѣренъ...» и далѣе: «чтобы побѣдить препятствія, я буду повторять всегда, кто хорошъ на первой роли, никуда не годенъ на второй. Итакъ для будущаго я плаваю въ ужасномъ противорѣчіи между рвеніемъ и недовѣріемъ къ судьбѣ, которую предчувствую»...

Любопытно и другое письмо изъ Кинбурна, въ концѣ котораго Суворовъ указываетъ на значеніе Севастополя [4]):

Kinbourn. Equinoxe. «Vous me charmez, chevalier, Votre lettre du 2 Mars m'est douce. Loin du Pirronisme [5]), plutôt voudrais-je toujours m'égarer dans le stoicisme; à jamais délicat dans l'amitié, je prie la providence pour le bien de l'Etat,

Кинбурнъ. Равноденствіе (8 марта) 1788 г. Вы меня чаруете, рыцарь; ваше письмо отъ 2 марта мнѣ мило. Далекій отъ Пирронизма [5]), я скорѣе хотѣлъ бы всегда заблудиться въ стоицизмѣ; постоянно деликатный въ дружбѣ, я прошу судьбу,

[1]) Многоточіе означаетъ пропускъ двухъ строкъ, вѣроятно не понятныхъ при снятіи копіи и потому неясныхъ въ рукописи. [2]) «. . . presque tout subalterne trouvera pretexte de mécontentement envers son chef pour ses commodités, ou ses égarements: passe en temps pacifique, mais s'il y a ici des opérations, il me faut plus d'aides, je ne puis pas suffir à tout, ou je suis trop tôt sans vie ou connaissance»... (курсивъ составителя). Рукопись Новосильцевскаго Архива, л. 9. [3]) Рукопись Новосильцевскаго Архива, л. 10. [4]) Тамъ же, л.л. 11 и 12. [5]) Пирронъ, греческій философъ, сопровождалъ Анаксарха, спутника Александра Македонскаго, во время похода въ Азію. Онъ училъ, между прочимъ, *акаталепсіи*, или *афазіи*, т. е., что человѣку должно воздерживаться отъ сужденій о предметѣ и *атараксіи*, т. е. равнодушію. Пирронъ умеръ около 270 г. до Р. Х.

qu'elle (choisisse l') un (d') entre nous au moins jusqu'à la fin de la guerre. *L'éternité n'est que dans l'Eternel.....*

Au reste nous avons trop discuté pour les bords de la Tauride. *Sevastopol bien gardé, ils s'y perdront.* [1]).

ради государственнаго блага, чтобы она избрала одного изъ насъ по крайней мѣрѣ до конца войны. *Вѣчность только въ вѣчномъ.....*

Впрочемъ мы слишкомъ много спорили о берегахъ Тавриды. *Пусть хорошо будетъ обереженъ Севастополь — они тамъ потеряются* [1]).

На оборотѣ 14-го листа Сборника помѣщены подъ заглавіемъ «Articles» нѣкоторыя мысли Суворова, приводимыя здѣсь въ переводѣ:

«Военная работа подкрѣпляетъ здоровье; принципъ до Адамовскій; по чѣмъ больше удобствъ, тѣмъ меньше храбрости».

«Ночные марши—для воровъ. Мудрый не дерется нечаянно».

«Физическій безумецъ — ничто, но метафизикъ это благоразумный, заявляющій о себѣ, но не дающій себя понять».

«Безъ добродѣтели нѣтъ ни славы, ни чести; но мудрому удается привести ее къ метеору».

«Искренность отношеній, правда въ общеніи — вотъ дружба; разумъ ее терпитъ лишь съ подсадкою».

«Не бросайте никогда апельсина, пока въ немъ есть еще содержимое».

Сохранилось итальянское письмо Суворова къ де-Рибасу [2]) изъ Берлада отъ 15 октября 1789 года, (послѣ того какъ Осипъ Михайловичъ получилъ 3 октября орденъ св. Георгія 3 степени); въ письмѣ Александръ Васильевича называетъ его непобѣдимымъ Доріа. Андреа Доріа (1468—1560) былъ родомъ изъ Генуи; морякъ по призванію, онъ въ 1532 году, будучи главнокомандующимъ надъ морскими силами Императора Карла V, одержалъ у береговъ Греціи блистательную побѣду надъ Турецкимъ флотомъ [3]):

Invincibile Doria,

Осипъ Михайловичъ.

E tempo per Vostra Eccellenza da far (prevalere) (i)l successor del Barbarossa. Devotissimo sc(h)iavo Александръ Суворовъ.

Непобѣдимый Доріа,

Осипъ Михайловичъ.

Время вашему Превосходительству превознести наслѣдника Барбароссы. Преданнѣйшій рабъ Александръ Суворовъ.

[1]) Курсивъ составителя. [2]) Рукопись Новосильцовскаго Архива, л. 15. [3]) Въ 1535 г. Доріа руководилъ завоеваніемъ Туниса, а въ 1542 г. спасъ отъ гибели армію и флотъ Императора Карла V въ походѣ на Алжиръ. Настоящее письмо лишній разъ свидѣтельствуетъ о солидномъ историческомъ образованіи Суворова. Габсбурги (Карлъ V) наслѣдовали въ свое время престолъ Гогенштауфеновъ (Барбаросса).

Съ большею искренностью благодаритъ Суворовъ де-Рибаса за привѣтствіе послѣ Рымника, 3 ноября 1789 г. изъ Берлада: «Я не могу сказать, чтобы мнѣ были безразличны рукоплесканія знатока, храбраго генерала и достойнаго героя, который въ присутствіи цѣлаго непріятельскаго флота, подъ огнемъ 37 его судовъ, беретъ штурмомъ хорошо защищенную крѣпость; наоборотъ я считаюсь и буду считаться съ этимъ [1]).

Подъ Рымникомъ около 25 т. русскихъ и австрійцевъ разбили 90—115 т. турокъ. Австрійцами начальствовалъ Принцъ Кобургскій. Суворовъ въ письмѣ къ Де-Рибасу объясняетъ, какимъ образомъ такое «двугосподство» могло все таки привести къ побѣдѣ [2]): «первая двигательная причина нашихъ успѣховъ была наша взаимная дружба, полная откровенности и искренности между мною и Принцемъ Кобургскимъ; до конца цѣнность этихъ отношеній осталась не измѣнной; я не могу забыть этой нѣжной честности, столь рѣдкой и можетъ быть безпримѣрной, которую я неизмѣнно чувствовалъ, безъ малѣйшей тѣни недовѣрія. Наша маленькая армія жила по братски и дѣлилась достоинствомъ; двойственность, эквивокъ, энигма были въ ней серьезно запрещены...».

О томъ же расположеніи своемъ къ Принцу Кобургскому можно заключить изъ письма Суворова своей дочери изъ Берлада въ Молдавію 2-го декабря 1789 года. Подлинникъ письма написанъ по нѣмецки [3]).

Gräfin und Reichsgräfin Наташа Суворочка. Küsse alle meine Schwester.-Bedanke mich unterthänigst für Eu. Exel. Briefe (vom 14 Juni und 9 br. und danke Gott fürs Erhalten deiner mir so theueren Gesundheit durch Vorsorge deiner unschätzbaren Mutter Софья Ивановна deren aller Dasein der Allmächtige beglücke. Unsere Operationen sind angehalten. Sonst würde ich deine Briefe nicht gelesen haben, weil, mich selbige der Zärtlichkeit wegen gegen dich hätten hinderlich sein können.

Wir haben hier ein Moskowitischen Winter und ich komme ganz erfroren aus der Kirche. Ich habe mich etliche Tage in Jassi aufgehalten in voller

Графиня и Имперская Графиня Наташа Суворочка. Поцѣлуй всѣхъ моихъ сестеръ. Благодарю почтительнѣйше ваше сіятельство за письма ваши отъ 14 іюня и ноября и благодарю Бога за сохраненіе твоего столь мнѣ дорогого здоровья попеченіями несравненной твоей матери Софіи Ивановны; осчастливь ее за то Всемогущій! Операціи наши пріостановились. Иначе я не читалъ бы твоихъ писемъ, ибо онѣ бы мнѣ помѣшали ради моей нѣжности къ тебѣ..

У насъ здѣсь Московская зима и я возвращаюсь изъ церкви совсѣмъ озябшій. Нѣсколько дней провелъ я въ Яссахъ въ полномъ удовольствіи

---

[1]) Подлинникъ на французскомъ языкѣ. [2]) Рукопись Новосельцевскаго Архива (на оборотѣ 16 л.) подлинникъ на французскомъ языкѣ. [3]) Русскій Архивъ 1866 г., стр. 941.

Zufriedenheit und bin dort noch mit einem der aller kostbarsten Degen begnädiget worden; des gleichen einen mein treuer Freund Fürst Saxe-Coburg, welcher sich jetzt in Bukarest befindet, auch bekommen...

и тамъ былъ одаренъ одною изъ драгоцѣннѣйшихъ шпагъ; такую же получилъ мой вѣрный другъ Князь Саксъ-Кобургскій, находящійся теперь въ Бухарестѣ...

Слѣдующій 1790 годъ былъ годомъ Измаила. Крѣпость взята была штурмомъ 11-го декабря, а 26-го Суворовъ писалъ (повидимому изъ Галаца) Де-Рибасу съ барономъ Саксеномъ: *Кунктаторъ морилъ голодомъ Аннибала, отрѣзаннаго отъ своего отечества, а здѣсь мы на себя вскармливаемъ Лернскую гидру* [1]. Я останавливаю примѣръ на себѣ; ничего рѣшительнаго, исключая нѣкоторыхъ иллюзій. Я — человѣкъ машина; будьте человѣкомъ физикальнымъ; вамъ остается править судьбою руля. *Въ минувшую кампанію Измаилъ былъ пассивенъ, Браиловъ — центральный пунктъ, былъ важнѣйшимъ; возьмите его — Силистрія падетъ и вашъ правый флангъ на Балканахъ*; вмѣсто того выжиданіемъ-ли создаете себѣ изъ Браилова другой Очаковъ»... ...и затѣмъ черезъ три дня, 29-го декабря 1790 г. изъ Галаца [2]: Ваше Превосходительство, Осипъ Михайловичъ! Да, отъ устьевъ Дуная и двухъ его береговъ до сихъ поръ ваша флотилія сдѣлала слишкомъ много, чтобы не сказать все, и кончаетъ бездѣйствіемъ и беззаботной нерѣшительностью, выводящею изъ терпѣнія чрезъ мѣру хитроумныхъ континенталовъ, не вѣдающихъ ни *главнѣйшихъ основъ* нашего искусства, ни въ высокой степени, все это прекрасное цѣлое до ихъ корня (*ignorant les principaux points de notre art et au suprême degrès ce beau ensemble jusqu'à leur racine*).

Наканунѣ 1791 года Суворовъ развиваетъ Рибасу свой планъ дальнѣйшаго продолженія войны съ Турціей изъ «Галаца 30 декабря 1790 года» [3]. Истинная слава не можетъ быть отыскана; она проистекаетъ изъ самопожертвованія на пользу блага общественнаго».

Всѣ письма Суворова къ Де-Рибасу, какъ находящіяся въ Рукописныхъ Сборникахъ, такъ и напечатаныя въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 годъ, своеобразно и мѣтко характеризуютъ самый образъ мышленія Суворова, его серьезное всестороннее образованіе, его военно-административныя стратегическія и политическія мысли. Вотъ отрывокъ письма (безъ помѣты числа и года), сохранившагося въ Новосильцевской рукописи [4]; «Господь

[1]) Рукопись Новосильцовскаго Архива, л. л. 18 и 19 (подлинникъ по французски). [2]) Рукопись Новосильцевскаго Архива, л. л. 20 и 21. (Оригиналъ на французскомъ языкѣ) курсивъ составителя. Содержаніе письма заставляетъ отнестись съ нѣкоторой осторожностью къ выставленной въ началѣ его датѣ. [3]) Рукопись Новосильцевскаго Архива. л. л. 22 и 23. (Подлинникъ на французскомъ языкѣ). [4]) Рукопись Новосильцевскаго Архива. л. л. 25 и 26. (Подлинникъ по французски).

да внушитъ намъ дисциплину, она мать побѣды! I-е чины должны почитаться. II-е подчиненные могутъ жаловаться на начальниковъ, но письменно; приговоръ накажетъ клевету; рѣдко выяснитъ онъ злоупотребленіе властью. III-е французское разсужденіе — злоупотребленіе; офицеры не сбѣгутъ съ поля сраженія; есть большая разница между Сарматами и Галлами въ правахъ, глядя по локальному. Конечно начальникъ болѣе великодушенъ, потому что у него менѣе претензій. Никто въ равной мѣрѣ не одѣленъ мудростью и благоразуміемъ: Несторъ—мудръ, Улисъ—благоразуменъ: подчиненный, даже патріотъ всегда найдетъ возраженіе въ одномъ, или другомъ; если онъ прорветъ преграду законовъ — нѣтъ болѣе субординаціи; если онъ пресмыкающійся льстецъ, безъ достоинствъ въ добродѣтели, онъ постепенно будетъ вращать своего начальника живьемъ на вертелѣ: и чѣмъ онъ старше, тѣмъ легче: но льстецъ гордый и безнаказанный—величайшій злодѣй.

Старушка болтаетъ, ребенокъ лепечетъ, пѣтухъ поетъ, часто безъ причины, не зная зачѣмъ.

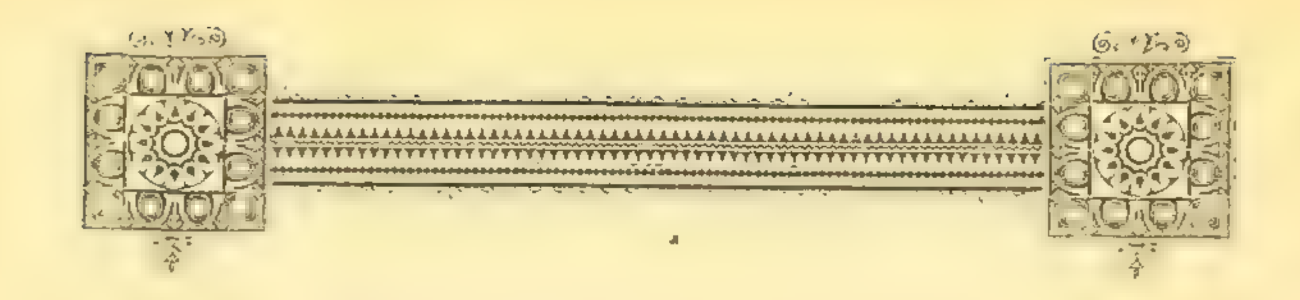
На другой день послѣ равнодѣнствія и окрѣпъ, осуждалъ свои недостатки на счетъ ближняго. Да! Благоразуміе! Съ ней связаны хитрости и ловкости, которыя облегчаютъ средства; моя оцѣнка ихъ знаетъ; мое размышленіе ими не пользуется: свойства души моей склоняются болѣе къ Нестору.

Если знакомъ съ недвижными вѣсами Юпитера, приходится иногда давать волю судьбѣ, безъ вниманія къ свободѣ воли..

Забылъ сказать вамъ въ моихъ строкахъ въ отвѣтъ на письмо Е. С. Князя Нассау, что я замѣтилъ, что былъ сухъ (p. c. lors de la production, l'invention était aride). Будьте добры увѣрить его словесно въ моей преданности.

Въ этой войнѣ всѣ мои обязательства съ вами имѣли въ виду только еще болѣе кровавую войну противъ самолюбія, чтобы во всякое время предупредить его; его вліянія опасны, но безъ злобы; все бѣло... Князь будетъ гораздо лучше обслуженъ... недостатка въ остальномъ не будетъ, въ умѣ, достоинствѣ, бодрствованіи, предвидѣніи; вотъ и все; да противоставляйте вашу мудрость — скупости и гордости. Вы навсегда будете прекраснымъ трубадуромъ, оцѣненнымъ и обласканнымъ граціями.

О! Чудное поле, по совѣтамъ Констан(тина); виды Князя освѣщають Шпрее и Сену, прорываютъ Дунай на Геспериды, поворачиваютъ Темзу къ Балтикѣ и пріостанавливаются у Багдада». Тотчасъ послѣ Измаила начался внутренній разрывъ съ Потемкинымъ. Суворовъ его переросталъ.—Войну кончили другіе. Въ февралѣ 1791 г. Александръ Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

III.

Въ концѣ 1792 года, въ виду вооруженій Турціи и возможности войны съ нею, Суворовъ назначенъ былъ въ Херсонъ въ званіи командующаго войсками, расположенными въ Екатеринославской губерніи, въ Тавридѣ и новопріобрѣтенной области [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было и укрѣпленіе южныхъ границъ.

Но по мѣрѣ того, какъ выяснилось, что войны не послѣдуетъ — эта новая дѣятельность оказывалась не по душѣ Суворова, который, считая, что личной энергіи и силѣ принадлежитъ міръ, всѣми силами своей души стремился «въ поле», считалъ такое стремленіе своимъ правомъ, основаніе коего носилъ въ самомъ себѣ, въ складѣ всей своей прошлой жизни.

Чѣмъ больше вчитываешься въ эти мелко и четко писанные рукою Суворова листы, тѣмъ рельефнѣе и ярче вырисовывается его духовный обликъ, плѣняющій мысль, какъ сказочный отрывокъ исторіи, какъ рѣдкое торжество духовной силы, опирающейся на одну себя.

«Падаю ницъ предъ Божіимъ провидѣніемъ! Россія возведена на высшую степень»! восклицалъ Суворовъ въ письмѣ Хвостову еще 30 іюля 1792 г. изъ Кюменгорода [2]) и восклицалъ искренно, безъ зависти къ боевымъ подвигамъ «иныхъ людей», прозрѣвая одно «настоящее дѣло» на общую пользу. «Извѣстно, что я въ Камчатку и Японъ готовъ, ежели на то высочайшая воля» писалъ онъ [3]).

Такія волевыя натуры, какъ Суворовъ, оставляютъ свой замѣтный слѣдъ въ исторіи и, какъ ничто истинно великое, не исчезаютъ. Эти волевые завѣты, оставленные намъ въ наслѣдіе, съ каждымъ поколѣніемъ молодѣютъ, роняютъ сѣмя, даютъ плодъ.

Судьба не допустила Суворова встрѣтиться съ Бонапартомъ. Никто не можетъ угадать, писалъ Милютинъ [4]), что было бы съ Европою, если бъ

---

[1]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 24. [2]) Тамъ же, кн. 8, л. 194. [3]) Тамъ же, кн. 10, л. 45 (изъ Еленска, 14-го іюля 1796 г.). [4]) Милютинъ. Исторія войны, т. V, стр. 297.

русскій полководецъ оставался главнокомандующимъ въ Италіи въ 1800 году.

Конечно, сопоставленія всегда опасны: трудно сравнивать почти независимаго Бонапарта (а впослѣдствіи самовластнаго Наполеона) съ подневольнымъ главнокомандующимъ, зависѣвшимъ часто въ дѣйствіяхъ своихъ отъ властныхъ временщиковъ, или вѣнскаго кригсрата. Можно, однако, съ нѣкоторою увѣренностью замѣтить, что Суворовъ по широтѣ взгляда и степени своего тонкаго ума, по силѣ своей желѣзной воли, конечно, не уступалъ Наполеону, а по глубинѣ своего образованія, пониманію классическихъ образцовъ военнаго искусства, ясности политическаго взгляда и сужденія, насколько это видно изъ письменныхъ памятниковъ, стоялъ на равномъ уровнѣ съ Бонапартомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть былъ даже выше его.

Самъ Суворовъ чувствовалъ свое превосходство надъ Фридрихомъ Великимъ и 12-го января 1796 г. записалъ [1]): «я лучше прусскаго покойнаго [2]) великаго короля, я милостью Божіею баталіи не проигрывалъ».

Людей Суворовъ зналъ и относился къ нимъ съ нескрываемымъ недовѣріемъ; вспоминая своего любимаго классика, Суворовъ 20-го августа 1791 г. изъ Кюменгорода писалъ [3]): «не слушайте сихъ пріятныхъ грековъ съ волнистой бородой и украшенною юностью, говорилъ Катонъ. Сенатъ ему насмѣялся, ими изумленъ и обманутъ». «Какъ многократно обманутаго все подозрѣваю»... [4]) писалъ онъ Хвостову. Усердно слѣдя за политическою жизнью Европы, Суворовъ владѣлъ особымъ даромъ въ своихъ замѣткахъ и письмахъ съ необыкновенной простотой и ясностью въ сжатой формѣ, ему одному свойственнымъ чеканнымъ слогомъ очерчивать политическую обстановку въ разныя историческія минуты государственной жизни Россіи. Связь политики со стратегіей, о которой не мало писали и пишутъ, для него была, повидимому, совсѣмъ ясна.

Краеугольнымъ камнемъ своихъ убѣжденій Суворовъ считалъ высказанное имъ положеніе: «*Ближняя къ дѣйствію цѣль, лучше дальней*» [5]).

Указавъ еще ранѣе въ письмахъ къ Турчанинову на необходимость фортификаціонныхъ прикрытій *Севастополя* [6]) и Керчь-Еникале, Суворовъ продолжаетъ: «Надлежитъ пещися о умноженіи флота и сухопутныхъ войскъ здѣшняго департамента, ибо и по количеству надлежитъ ихъ быть дѣйствующихъ уже полтора противъ одного, а буде отчислить, что въ Тавридѣ съ нѣкимъ числомъ остающихъ въ крѣпостяхъ и позади, то надобно почти больше нежели удвоить и паче неизъемлимо коли война распространится за Дунай... почему, чѣмъ далѣе, *особливо за Балканы*,

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 7. [2]) Фридрихъ умеръ въ 1786 г. [3]) Тамъ же, кн. 8, л. 24. [4]) Тамъ же, кн. 9, л. 106. 7-го сентября 1793 г. изъ Херсона, къ Хвостову. [5]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 21 (Херсонъ. Апрѣль 1793 г.). [6]) Тамъ же, кн. 9, л. 82.

надлежитъ быть сильнымъ и не раздробляемымъ войскамъ... избавь Боже, чтобъ я жа(ж)далъ большей команды; мало войскъ подобно какъ обрубкомъ разгонять воробьевъ безъ истинныхъ послѣдствіевъ полезныхъ» [1]).

1793 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Александра Васильевича. Онъ самъ выразился о немъ: «...крѣпко сей годъ неуспѣшно» [2]).

Вслѣдствіе того, что изъ Карабазарскаго магазина выдавался «провіантъ смѣшанный съ пескомъ, прѣлый, гнилой, даже черви въ себѣ имѣющій», а крупа была затхлая и горькая [3])—открылись болѣзни въ Белевскомъ и Вятскомъ пѣхотныхъ полкахъ [4]), а въ Полоцкомъ полку отъ сырости помѣщеній, недостатка дровъ, питья изъ стоячаго озера, заразы занесенной изъ Молдавіи и недостатка медикаментовъ—появились случаи моровой язвы [5]).

«Въ больныхъ на Бога надежда», писалъ Суворовъ [6]). «тайная причина не жаръ, а какъ аквитованы позднѣе дѣйствіе гнилаго провіанта...», а ранѣе того (30 августа) онъ писалъ Д. И. Хвостову изъ Аджибея: «Это правда! Никто не виноватъ, а посѣщеніе Божіе...» [7]).

Въ эти трудные дни бѣдствій мирнаго времени Суворовымъ проявлена необычайная энергія. Онъ разсылаетъ въ полки довѣренныхъ офицеровъ и врачей [8]), самъ объѣзжаетъ ихъ, усиленно работаетъ [9]) и понимая солдатскую нужду [10]), издаетъ свой любопытный приказъ о наблюденіи здоровья: Драгоцѣнность наблюденія здоровья въ естественныхъ правилахъ: 1) питье, квасъ; для него двойная посуда, чтобъ не было молодаго и перекислаго. Если жъ вода, то здоровая и нѣсколько приправленная. 2) пища; котлы вылуженые; припасы здоровые; хлѣбъ выпеченной: пища доварная, не переварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая, и для того, кто къ кашѣ не поспѣлъ, лишенъ ея... на тотъ разъ воздухъ! Въ теплое время отдыхать подъ тѣнью безъ облѣненія...».

Между тѣмъ въ мартѣ 1794 года въ Польшѣ началось возстаніе Тадеуша Косцюшки.

---

[1]) Тамъ же, кн. 9, л. 140. См. также л. 21: «Вникнемъ въ оракулъ: если Швеція особливо направлена будетъ къ просвиетанію (sic) ея Финляндіи (Потсдаму жъ ея Померанія) я отъ содѣйствія буду удаленъ». Въ кн. 15 сборника любопытенъ планъ Суворова для войны съ турками, представленный имъ Екатеринѣ II. [2]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 106. [3]) Тамъ же, кн. 9, л. 24. [4]) Приказъ Суворова 3 апрѣля 1793 г., № 660. [5]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 96. Копія рапорта Суворова въ Военн. Коллег. отъ 30 іюля 1793 г., № 211. [6]) Тамъ же, кн. 9, л. 106. 7 сентября изъ Херсони. [7]) Тамъ же, л. 104. [8]) Тамъ же, л. 59 и 60 (Копія Генеральнаго Приказа 12 іюня 1793 г.). [9]) Тамъ же, л. 106. «... 3 часа пополуночи, писалъ всю ночь, ѣду въ Тавриду». [10]) Тамъ же, кн. 15, л. 32 и л. 77.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ, во время своего «шпицрутеннаго бѣга» [1]) по Польшѣ, Суворовъ стяжалъ прочныя лавры въ борьбѣ съ конфедератами подъ Ландскроною, Столовичами и Краковымъ.

Проживая въ Херсонѣ, а затѣмъ въ Немировѣ, гдѣ расположенъ былъ его штабъ, онъ всѣми силами своей души и теперь стремится въ Польшу: «... одно слово, хочу служить! Здѣсь бездѣлье. Театръ въ Польшѣ: и ежели живъ, то противъ зимы должно мнѣ воротиться въ С.П.Бургъ; а оттуда можетъ быть и хижину. По службѣ жъ, гдѣ театръ отрицать всѣхъ награжденіевъ, себя забуду и напрягу ихъ для другихъ...» [2]).

Свое пребываніе на югѣ (въ то время какъ русскія войска безъ системы и результатовъ преслѣдовали скопища поляковъ) [3]) Суворовъ считалъ обидой и наказаніемъ: «видно мнѣ умереть на чужой сторонѣ. О всемилостивѣйшая Монархиня! Что за наказаніе послѣ Измаила?! Я ничѣмъ не виноватъ» [4]) и даже мечталъ проситься волонтеромъ на польскій театръ войны. 17-го іюля 1793 года изъ Немирова Суворовъ писалъ «...мнѣ не остается ничего иного, токмо тожъ обратиться въ С. П. Б. для испрошенія высочайшей милости объ увольненіи меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ» [5]).

Къ концу іюля нетерпѣніе Суворова возросло до крайнихъ предѣловъ... «воздвиглась буря», писалъ онъ 24-го іюля, «вы видите, что ужъ я лезу на марсъ, она сильнѣе. Ужь я и напутепъ вантъ къ салингу; почалось кораблекрушеніе [6])... отъ тиранства судьбы рѣшился я твердо здѣлать рѣшительный шагъ...».

Черезъ двѣ недѣли его желанію суждено было осуществиться. 7-го августа Румянцевъ (которому подчинены были суворовскія войска, расположенныя по Бугу и въ Крыму) послалъ Суворову предписаніе двинуться на театръ войны; тогда-то онъ совершилъ свой знаменательный маршъ изъ Немирова въ Брестъ, четыре раза разбилъ поляковъ и 24-го октября штурмовалъ Прагу. Это привело къ окончательному разделу Польши.

3-го ноября 1794 года Суворовъ писалъ изъ Варшавы князю Ивану Романовичу Горчакову [7]): «Господь Богъ нашъ предводитель! Да будетъ оной съ вами... Я усталъ, на силу живъ». Рукописный Сборникъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ любопытныхъ писемъ къ Суворову представителей польской знати и другіе относящіеся къ умиротворенію края документы.

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 8, л. 28 7 сент. 1791 г. (изъ Роченсальма). [2]) Тамъ же, кн. 9, л. 208 (изъ Немирова 15 іюля 1794 г.). [3]) Н. А. Орловъ. Штурмъ Праги Ар. 22 (письмо Н. И. Салтыкова къ Румянцеву). [4]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 152 (изъ Херсона 19 декабря 1793 г.). [5]) Тамъ же. кн. 9, л. 212 (изъ Немирова 17 іюля 1794 г.). [6]) Рукописи Сувор. Сборн., кн. 8, л. 218 (Д. И. Хвостову. изъ Немирова 24 іюля 1797 г.). [7]) Тамъ же, кн. 9, л. 236.

Умиротвореніе это шло быстро.

«Здѣсь весьма всюду тихо», помѣтилъ Суворовъ четыре мѣсяца спустя (6-го марта 1795 г.), «но паритъ еще земля тѣлесами... здѣсь я на легкѣ; все мое осталось въ Херсонѣ» [1]), а 17-го марта 1795 года онъ пишетъ Д. И. Хвостову [2]): «Польша обезоружена!»

Въ письмѣ къ Де-Рибасу изъ Варшавы отъ $^4/_{15}$ сентября 1794 года Суворовъ выражается о союзникахъ полякахъ и нашихъ войскахъ такъ: «avec les alliés et les jadis Sarmates nous vivons en frères. Nos trouppes sont très-bonnes, disciplinés, saines» (Рукопись Новосильцевскаго Архива, л. 29). Сердечныя отношенія съ Рибасомъ еще продолжаются: «Цѣлую васъ, мой дорогой Осипъ Михайловичъ. Будьте здоровы. Благоденствуйте и не забывайте меня», кончаетъ свое письмо Александръ Васильевичъ.

Эта суворовская 40-дневная операція [3]) была кануномъ послѣдняго акта боевой жизни того, кто какъ самоотверженный работникъ, фанатично преданный своему дѣлу, преслѣдуя лѣпоумie въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, пребывая въ постоянной работѣ, вдохновенно говорилъ:

«Я солдатъ, не знаю ни племени ни рода» [4]).

Иногда и среди западныхъ современниковъ Суворова (чаще всего не бывшихъ въ состояніи ясно усвоить его крупнаго значенія въ исторіи военнаго искусства) [5]), находились отдѣльныя личности, справедливо цѣнившія этого русскаго титана военнаго дѣла.

Русскіе только одни могутъ перемѣнить нашу въ нѣмецкой землѣ войну», писалъ изъ Гессена надворный совѣтникъ Вердье 25-го января 1795 года [6]). «Суворова съ 30.000 довольно; 60,000 безъ него—мало. Когда побѣдител(я) Шверина убили въ Прагѣ, безподобный Фридрихъ говорилъ: я потерялъ въ немъ 10,000 человѣкъ. Что касается вашего Суворова, я его цѣню втрое больше. Фабій побѣждалъ удаляясь отъ сраженія, а Суворовъ побѣждаетъ, наступая на непріятеля. Ежели бъ наши нѣмецкія войска имѣли начальникомъ своимъ полъ Суворова, французы бы не прогнали ихъ до М( )нца и Богъ знаетъ, не взята-ли уже сія крѣпость.

Суворовъ только можетъ спасти и спасетъ, когда во всемъ вручено будетъ его попеченію.

---

[1]) Тамъ же, кн. 9, л. 256 (Хвостову изъ Варшавы 6 марта 1795 г.). [2]) Тамъ же, кн. 9, л. 260. [3]) Если учесть независѣвшее отъ него брестское стояніе. Кн. 6, л. 72. Суворовъ самъ назначилъ этотъ срокъ еще въ 1793 г.: «.... долго ли мнѣ не войти въ мою сферу? въ непрестанной мечтѣ, паки я не въ Польшѣ. *тамъ бы я въ сорокъ дней кончилъ*». [4]) Рукописи Сувор. Сборн., кн. 10, л. 93 (изъ Тульчина 30 сентября 1796 г.). [5]) Любопытны въ этомъ отношеніи статьи современныхъ австрійскихъ писателей о Суворовѣ, напр. «Osterreicher und Russen in Italien 1799» въ Organ der Militaer Wissenschaftlichen Vereine, LIX) Band. 1899 г. [6]) Рукоп. Суворов. Сборн. кн. 9, л. 246.

Ежели бы войско и все составлено было изъ героевъ, не можетъ оно ничего произвести въ дѣло, когда начальникъ лишенъ головы, или принужденъ требовать отъ военнаго совѣта, что ему дѣлать?! вотъ ошибка вѣнскаго кабинета, ошибка, за которую заплатили прежде Шлезей, а нынѣ Нидерландами.

Суворовскіе курьеры всегда привозятъ извѣстія о побѣдахъ, а курьеры Императорскіе спрашиваютъ позволенія побѣждать. Вотъ какъ говорятъ въ нѣмецкой землѣ и во всемъ свѣтѣ (?) о нашемъ фельдмаршалѣ...»

Интересы частной жизни Суворова, при его неустанной дѣятельности какъ военачальника и администратора, приходили, конечно, въ непрерывное соприкосновеніе съ требованіями, запросами и нуждами общественными и служебными. Какъ Петръ I въ двухъ-трехъ строкахъ письма переходилъ отъ присылки пахучихъ цвѣтовъ къ набору рекрутъ, такъ и у Александра Васильевича вопросы частнаго, а иногда семейнаго, интимнаго характера рѣзко переплетаются въ письмахъ съ картинами политической жизни, блестящими по мѣткости характеристиками современниковъ и цѣлымъ рядомъ почти неуловимыхъ затаенныхъ чертъ, которыя, сказываясь здѣсь и тамъ, при сопоставленіи своемъ, освѣщаютъ душу великаго старца новымъ, хорошимъ свѣтомъ. Честь и честность играютъ въ глазахъ его «не малую ролю»: «вы знаете меня» пишетъ онъ [1]) «унижуль я себя! лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести... научился смерти не бояться....» а знаменательное его письмо къ кн. Г. А. Потемкину [2]) начиналось такъ: «Voulez-vous la vraie gloire, suivez les traces de la vertû; послѣдней я преданъ, первую замыкаю въ службѣ отечества». «Какое на меня подозрѣніе тщетно по моей честности» [3]), пишетъ онъ П. И. Турчанинову по поводу ассигнованій кредитовъ на уплату подрядчикамъ за укрѣпленія, возводившіяся на югѣ Россіи. «Клянусь Богомъ [4]), ежелибъ у меня было сто тысячъ рублей я бы изъ нихъ тотъ часъ замѣнилъ, а за штрафъ, какъ солдатъ впередъ въ подобное не ступалъ и матерьялы холодно гибели предалъ. Но вы мое имущество знаете; токмо и того лучше лишился бы части, нежели видѣть невинно страждущихъ».

Въ октябрѣ 1791 года [5]) Суворовъ писалъ тому же П. И. Турчанинову: «....Я чистъ душой и сердцемъ предъ Богомъ и Великой Императрицей. Совѣсть меня не упрекаетъ...» и далѣе прибавляетъ: «...предъ выѣздомъ моимъ сюда (т. е. въ Финляндію) осуждали въ кампаніи не-

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн., папка № 15 на листкѣ помѣта: I (9-го ноября 1781 г. изъ Астрахани). [2]) Черновой набросокъ этого письма рукою Суворова: Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 6. л. 79. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9. л. 32. (Херсонъ 7-го мая 1793 г.). [4]) Тамъ же, кн. 9. л. 82. [5]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 8, л. 47, помѣта: № 15 (безъ даты).

вѣжды мою дисциплину и субординацію, полагая первую въ кичливости, другую въ трепетѣ подчиненныхъ....».

Въ вопросахъ чести Суворовъ не могъ лицемѣрить и быть двойственнымъ: «что-жъ я до сего выигралъ, кромѣ времянностей, правда къ пользѣ доказалъ мои качества; но непріязненнаго мнѣ К. П. сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ, или обратится мнѣ паки къ нему въ сателиты, последуя всѣмъ прочимъ до единаго....» [1]. Въ дѣлахъ жизненной этики, какъ и на войнѣ, Александръ Васильевичъ любилъ смотрѣть въ глаза правдѣ и обстоятельствамъ: «Нужнѣе непріятное извѣстіе для предодолѣнія, нежели пріятное для утѣшенія...» [2]. «Вы пускаете плащъ по всякому вѣтру, вѣдая что они непостоянны», писалъ онъ П. И. Турчанинову [3]), изъ Херсони 7-го мая 1793 года.

Не смотря на крайнюю ограниченность жизненныхъ потребностей, часто матеріальная нужда заставляла Суворова стѣснять себя, прибѣгать къ закладу и даже продажѣ своихъ имѣній [4]). На реестрѣ доходовъ и недоимокъ со своихъ угодій Суворовъ иногда помѣчалъ [5]): «не великъ приходъ», «полупустое». Довольствіе малымъ, скромность, акуратность, совершенное отсутствіе какого-либо корыстолюбія, очерчиваютъ эту сторону его внутренней жизни и даютъ обильный матеріалъ къ выясненію его этики, убѣжденій и воззрѣній.

Суворовъ былъ акуратенъ въ расходованіи не только денегъ, но и времени: «хотя во всемъ спѣши(ть) по малу, но ожидать отъ времяни тожъ, что давать голову въ петлю» [6]); «дѣйствуйте постоянно», писалъ онъ 12-го декабря 1791 г. Хвостову изъ Нейшлота, «перехожу Рубиконъ» [7]).

Невольно останавливаютъ на себѣ черты, указывающія на уваженіе Суворова къ наукѣ, искусству и поэзіи. Съ довѣріемъ и уваженіемъ относился онъ къ личности Г. Р. Державина и любилъ иногда приводить въ своихъ письмахъ правившіяся ему четверостишія [8]).

Въ привязанностяхъ своихъ Суворовъ былъ прозорливъ и устойчивъ; отеческая нѣжность къ дочери проглядываетъ въ каждомъ письмѣ, отправ-

---

[1]) Тамъ же, кн. 8, л. 34 (Вильманстрандъ 7-го сентября 1791 г.; на оборотѣ рукою Суворова помѣта: Милостивому Государю моему Дмитрію Ивановичу Хвостову въ С.-Петербургѣ). [2]) Тамъ же, кн. 8, л. 16. «Petites causes produisent» des grands évenements, писалъ А. В. — Хвостову 19-го іюля 1791 г. (кн. 8, л. 7). [3]) Тамъ же, кн. 9, л. 32. [4]) Тамъ же, кн. 9, л. 57 (9-го іюня 1793 г.); л. 67 (20-го іюня 1793 г.), въ сопоставленіи съ письмомъ къ Д. И. Хвостову отъ 21-го іюня 1793 г. (л. 88). На листкѣ прохожденія своей службы Суворовъ собственноручно отмѣтилъ: «за отцомъ душъ мужеска полу 400» (кн. № 15, на листѣ помѣта: 77). [5]) Тамъ же, кн. 8, л. 179. [6]) Тамъ же, кн. 8, л. 17. [7]) Тамъ же, кн. 8, л. 55, помѣта № 17. Также кн. 9, л. 92 («время всего дороже не теряйте его»). [8]) Тамъ же, кн. 8, л. 32.

ленномъ и въ помѣтахъ на письмахъ, полученныхъ отъ родныхъ [1]), ея самой и Д. И. Хвостова. «Ни о богатствѣ, ни о свѣтскихъ просвѣщеніяхъ моей дочери не мыслю, но объ одномъ цѣломудріи: не она, но оно дороже мнѣ жизни и собственной чести» [2]).

Несмотря на личину оригинальности и чудачества, на кажущуюся рѣзкость и колкость Суворовской прибаутки, ему далеко не чужды были чувство мѣры осторожности и врожденнаго политическаго такта.

«Коли онъ меня морально атаковалъ, должно его от(вѣтно) физикально атаковать: коли перестанетъ — не усыпляетъ ли? Особливо къ хулѣ—похвалу» [3]). «Паче стеречися усыпленія» писалъ Суворовъ [4]).

Если Суворовъ въ 60 лѣтъ былъ «молодъ по быстротѣ тѣлесной и по чувствамъ души своей», если онъ былъ «нѣженъ, добръ, чувствителенъ, великодушенъ» [5]), то наряду съ этимъ характеръ его былъ настойчивый, твердый и эту твердость онъ искалъ и цѣнилъ въ людяхъ... «при входѣ въ Польшу генералы съ войсками вѣдомо оставлены здѣсь не лучшіе и по новомодью твердый человѣкъ здѣсь фениксъ»... писалъ Александръ Васильевичъ въ маѣ 1793 г. изъ Херсона [6]).

Въ письмахъ Суворова легко прослѣдить, что онъ какъ бы только мимоходомъ удѣлялъ въ нихъ меньшую долю мелкимъ запросамъ дня и своимъ частнымъ интимнымъ дѣламъ. Мысль его часто рвется къ общественной жизни родины со всѣми ея многоразличными интересами. Зорко прислушивался онъ къ политическимъ треволненіямъ и весь перерождался при одномъ намекѣ на возможность войны.

Въ эти дни письма и замѣтки его совсѣмъ особенны. Вереница идей вдохновенно одолѣваетъ его живую, пытливую, критическую мысль, одѣляетъ ее самыми смѣлыми асоціаціями и сравненіями.

Въ подобныя минуты, взявшись за перо, онъ озаглавливалъ листъ: «Буря мыслей» [7]) и писалъ въ Кобринѣ: «Былъ Мазепа въ Малороссіи, Тейтонической Гросмейстеръ въ Лифляндіи Король Прусской. Претензія Шведовъ на Лифляндію, Эстляндію, Финляндію и Ингерманландію. Рекламацію Турковъ на многія завоеванія. Поляки потеряли ихъ вольность. Къ тому Шлезвія-Голштинія въ умѣ. Частныя милосердія изобильны. Общій порядокъ.... [8]). Здѣшнія пограничныя войска лутчимъ числомъ уходятъ внутрь. К. Г. С—чъ Волконскій здѣсь говоритъ у него было 80 т., а

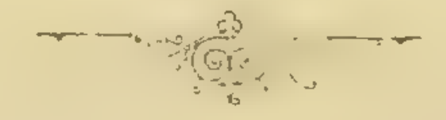
[1]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 42 («Наташѣ Божіе благословеніе»; 22-го мая 1793 г. изъ Херсона) л. 107 («Боже благослови Наташу»); тоже л.л. 52 и 106; кн. 8. л. 127 (Святыя Троицы благословеніе съ тобой); кн. 8 л. 106 (Божіе благословеніе съ тобою) и т. д. [2]) Тамъ же. кн. 8. л. 22 (17-го авг. 1791 г.). [3]) Рукописи Сувор. Сборн. кн. 8, л. 66. (Приписка на письмѣ Хвостова отъ 19-го февраля 1792 г.). [4]) Тамъ же, кн. 8. л. 197. [5]) Жизнь Суворова. изд. 1819 г. стр. 80. [6]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. 9, л. 22. [7]) Рукописн. Суворов. Сборн. кн. 10. л. 1 (2-го января 1796 г.). [8]) Многоточіе въ подлинникѣ.

подъ ружьемъ до 60 т.; теперь одинъ полкъ. Бригады одни, которые къ полкамъ лутче, теряя впредь бригады. Солдаты, сколько не веселю унылы и разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ три четверти и тако на неприятеля мѣсто 40—30 верстъ. Фельдмаршалы кассированы безъ прослугъ и въ общемъ генералитетѣ. Я пахарь въ Кобринѣ лутче нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ...».

19-го апрѣля 1796 г. Суворовъ помѣтилъ [1]): «Кочубей въ Константинополѣ хорошъ и жаль, если кто-нибудь хуже его тамъ будетъ. Утѣшно, что въ Сѣверѣ спокойно. Желательно, чтобъ тожъ было по Кавказамъ и Каспійскому морю по елику бы тамошнее блистательное донкишотство то дозволить могло» и 5-го мая изъ Тульчина [2]): «Съ Шведами очень хорошо, лишь жаль, что ихъ не выгонятъ за море. А Померанія... сумнительна безъ войны. Турки безъ Магмутъ Хана пуще заснутъ и тутъ *жаль, что мы особливо не по Дунай—живой рубежъ.* Герой Графъ Валеріянъ за Дербентъ покорить и укрѣпитъ Каспійское море, простритъ свои мышцы до Аракіа далѣе завоеваніевъ Петра Великаго...».

Послѣ замиренія Польши, Суворову въ январѣ 1796 г. предложено было принять на себя начальство въ экспедиціи противъ персовъ, но онъ отъ нея отказался, помышляя уже тогда о болѣе важной войнѣ на европейскомъ театрѣ противъ турокъ, или французовъ.

Назначенный начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Тавридѣ и губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской, Вознесенской и Брацлавской, Суворовъ прибылъ въ мартѣ въ главную квартиру арміи въ Тульчинъ. Тульчинскія письма и замѣтки его носятъ слѣдъ дѣятельной воспитательной работы съ войсками. Встрѣчаются собственноручные листки съ помѣтками и набросками («Во время стрѣльбы офицеры къ плутонгамъ, къ правому фланку») [3]), послужившими къ окончательной редакціи Суворовскаго военнаго катехизиса

---

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 15. [2]) Тамъ же, кн. 10, л. 21. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 15, л. 78.

IV

Пересматривая письма и бумаги Суворова, включенныя въ Сборникъ, хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки, внимательно сличая даты писемъ и сопоставляя ихъ съ полученными, невольно приходится заключить, что въ драгоцѣнномъ собраніи этомъ найдутся пробѣлы: многихъ писемъ на лицо нѣтъ, много мѣсяцевъ, даже цѣлые года (напр. 1782 г.; время съ 1785 по октябрь 1786 г.) остаются безъ письменныхъ слѣдовъ, какъ бы въ тѣни. Конечно Копчанскій Сборникъ въ извѣстной степени пополняетъ этотъ пробѣлъ, но, думается мнѣ, можетъ быть въ какомъ нибудь хранилищѣ Астрахани, Казани, или Тульчина найдутся неизвѣстные еще документы, касающіеся дѣятельности великаго полководца. Н. Ѳ. Дубровинъ указываетъ еще на городъ Кременецъ, какъ на возможный центръ, гдѣ могли бы найтись новые письменные памятники.

Не безъ основанія казалось мнѣ, что и въ Петербургѣ могутъ существовать мало, или даже совсѣмъ неизвѣстныя еще Суворовскія рукописи. Такая мысль до извѣстной степени оправдалась. Въ теченіе настоящей осени, разбирая архивъ князя А. Д. Меньшикова въ академіи наукъ, благодаря разрѣшенію академика А. А. Шахматова и любезности Э. А. Вольтера и В. И. Срезневскаго мнѣ удалось ознакомиться съ состояніемъ суворовскихъ рукописей, хранившихся въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки 1-го отдѣленія академіи наукъ. Собраніе это на мой взглядъ составляетъ прямое дополненіе єрукописей Публичной библіотеки. Думается также, что, если нѣкоторыя изъ встрѣчающихся здѣсь писемъ и были когда нибудь напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ начала этого вѣка, то есть среди нихъ и другія, оставшіяся до сихъ поръ повидимому неизвѣстными. Можно съ нѣкоторою увѣренностью утверждать, что А. Петрушевскому сборникъ этотъ знакомъ не былъ [1]). Сборникъ представляетъ собою переплетенную тетрадь, форматомъ въ листъ, въ 129 писанныхъ листовъ (не считая бѣлыхъ), безъ описи, съ заглавнымъ листомъ, вѣроятно позднѣйшаго происхожденія: «Письма Александра Васильевича князя Италійскаго графа Суворова Рым

[1]) Петрушевскій (генералиссимусъ князь Суворовъ, ч. 3. стр. 420), говоря

винскаго, изъ коихъ 19 писемъ собственною его рукою и 32 подписанныхъ имъ собственноручно» [1]). Собственноручныя письма Суворова и часть имъ подписанныхъ писаны къ П. И. Турчанинову (самое раннее отъ 4-го августа 1778 года, позднѣйшее отъ 19-го ноября 1781 года). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ крайне любопытны, и я позволяю себѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи привести изъ нихъ краткія выдержки.

Не менѣе интересны подлинныя письма Александра Васильевича къ С. А. Колычеву [2]) за 1799 годъ изъ Александріи, Асти, Фельдкирхена, Линдау, Аугсбурга, Нитенау и Праги; два изъ нихъ (отъ 17-го іюня и 22-го іюля 1799 г.) написаны по-французски (видимо рукою князя А. Горчакова) и подписаны Суворовымъ. Въ отдѣлѣ копій находимъ одно русское и два французскихъ письма Суворова къ Колычеву (1799 г.); два его письма къ Викхаму (Wickham), англійскому посланнику въ Цюрихѣ (августъ 1799 г.); нѣсколько донесеній Суворова Императору Павлу (1799 и 1800 г.), писемъ къ эрцъ-герцогу Карлу и отдѣльныхъ замѣтокъ на французскомъ языкѣ; подписанныхъ буквами «А. S». Далѣе копіи трехъ рескриптовъ Суворову Императора Павла, копія письма Викхама, копія съ донесеній императору австрійскому изъ Аугсбурга 13-го ноября 1799 г.: любопытный планъ Суворова о вторженіи во Францію, на французскомъ языкѣ, выдержки изъ письма къ нему эрцъ-герцога Карла изъ Донауешинга (6-го декабря 1799 г.); нѣсколько писемъ кн. А. Горчакова къ Колычеву; письмо къ нему же (подлинное) графа Кутайсова; *подлинное* письмо Людовика XVIII къ Колычеву изъ Митавы отъ 22-го февраля 1800 г. и нѣсколько другихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ Суворову.

о рукописныхъ матеріалахъ, не упоминаетъ о сборникѣ академіи; цитируя (ч. I, стр. 211) письмо Суворова къ Турчанинову отъ 25-го сентября 1778 г. Петрушевскій ссылается на «Отеч. Записки» 1824 XX (подлинникъ этого письма занимаетъ лл. 6 и 7 сборника академіи наукъ). Приводя письмо Суворова изъ Астрахани отъ 16-го мая 1786 (сборникъ академіи, л. 36), Петрушевскій (ч. I, стр. 220) ссылается на «Рус. Стар.» 1873 г. Н. Ѳ. Дубровинъ (А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерининской эпохи) не указываетъ среди источниковъ (стр. 161) на этотъ сборникъ, упоминая также о четырехъ письмахъ Суворова къ Турчанинову, напечатанныхъ въ 1824 г. въ «Отеч. Запискахъ» (т. 20, № 56, 1-е отъ 4-го августа 1778 г.; 4-е отъ 17-го сентября того же года). [1]) 63 листа, писанныхъ рукою Суворова, изъ нихъ 39 нумерованныхъ (двухъ листовъ 23 и 27 нѣтъ); 34 листа копій съ писемъ Суворова; 32 листа писемъ разныхъ лицъ, относящихся къ перепискѣ гр. Суворова, здѣсь на листѣ по счету 3-мъ (копія съ рескрипта Императора Павла 31-го августа 1799 г.) имѣется собственноручная помѣта Суворова. [2]) Былъ нашимъ посланникомъ въ Гаагѣ и Берлинѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ; впослѣдствіи въ Парижѣ, а къ концу жизни былъ вицеканцлеромъ; жилъ съ 1746 по 1805 г.

Цѣлый рядъ писемъ Суворова къ Д. И. Хвостову, просмотрѣнный мною въ книгахъ Рукописнаго Сборника очерчиваютъ, какъ я уже упоминалъ, довольно опредѣленно умственный складъ великаго полководца, а философски направленное мышленіе его производитъ глубокое неотразимое впечатлѣніе. Это подтверждается и нѣкоторыми письмами Александра Васильевича къ П. П. Турчанинову, найденными въ академическомъ сборникѣ:

«Жертвовать Суворовымъ грѣхъ» пишетъ онъ 27-го декабря 1780 [1]), и онъ добрый человѣкъ, годится лучше многихъ. Sap(ienti)sat [2])».

«Великотаинственна та наука, которою (можно) обладать въ народѣ людьми доказанныхъ заслугъ большею частью уже своенравными не во зло, но по ихъ добродѣтели и во благовремени умѣть ими править, избирая ихъ не ошибочно по способностямъ и талантамъ [3]). Часто розовые каблуки преимуществовать будутъ надъ мозгомъ въ головѣ, складная самохвальная басенка—надъ искусствомъ, тонкая лесть—надъ простодушнымъ жужаніемъ зрѣлаго духа.

Тотъ среди пороковъ имѣющій добрыя качества, на вопросъ, что ему въ сихъ тунеядцахъ: они мнѣ пріятны, *но я* употребляю не пріятныхъ, а полезныхъ.

Большое дарованіе въ военномъ человѣкѣ есть счастье. Мазаринъ о выхваляемомъ ему военноначальникѣ спрашивалъ на концѣ всегда: счастливъ-ли онъ. Репнинъ великъ, но несчастливъ. Голицынъ счастливъ, избирай Голицына, хотя заикающагося... достоинства обитаетъ прилежнѣй въ пастуш(ихъ) шалашахъ и тамъ меньше портятся нравы, хотя къ достиженію оныхъ всякое человѣческое состояніе равное право имѣетъ, понеже у всѣхъ отецъ одинъ. Не льстись на блистаніе но на стойкство . . . Вѣрь лучше тому консулу, который изъ подъ сохи торопится прежде времени достигнуть конца, чтобъ бѣжать опять подъ соху» [4]).

«Самолюбіе и самоблюденіе», писалъ Суворовъ П. П. Турчанинову [5]) «суть различны: первое повелѣно Богомъ, второе въ началѣ испорчено гордостью; тѣмъ мои мысленныя противорѣчія освящаются; большая часть философовъ ихъ мѣшаютъ...... великодушіе связало насъ съ обще-

[1]) Академическій рукописн. сборн. л. 31. [2]) Т. е. мудрый да принимаетъ къ свѣдѣнію. [3]) Академ. рукоп. сборн. лл. 12 и 13 (10-го февраля 1781 г.) [4]) На сосѣднемъ 14-мъ листѣ Акад. Сборника по поводу этого письма сохранилась сдѣланная неизвѣстной мнѣ рукой позднѣйшая помѣта: «предъидущее подъ № 12 отъ 10-го февраля своеручное письмо очень важно, справедливо, нравоучительно и совершенно мудрое, но позволитъ ли цензура и даже общежитіе употреблить фамиліи извѣстныхъ и почтенныхъ особъ какъ то: Рейнина, Каменскаго и другихъ а исключая, оныя, выйдетъ письмо предъкапта и т. д.... [5]) Академич. Рукоп. Сборн. лл. 32 и 33. (3-го февр. 1781 г. чер.) Прекрасное письмо это къ сожалѣнію приходится здѣсь печатать лишь въ выдержкахъ.

ствомъ тѣснѣе: мы его члены, должны ему себя пожертвовать, устраивать къ тому наши способности, и почитать самоблюденіе, дабы ему далѣе полезными быть.

Самоблюденіе часто не отъ насъ самихъ зависитъ, но отъ тѣхъ, у коихъ мы въ зависимости и ежели тѣ не прозрачны въ свойствахъ естествомъ каждому опредѣленныхъ, то, часто удручая наши способности по ихъ своенравіямъ, цѣлость ихъ теченія ослабляютъ, благоволіе уменьшаютъ; заключа душу въ тѣсные предѣлы, дѣйствія ея чинятъ унылыми. Самолюбіе наше сокращаютъ, а цѣну платы нашего долга обществу безвозвратно похищаютъ.

Нѣтъ правила безъ изъятія, нѣтъ вещества безъ недостатка...... Всякая вещь никогда на одной степени возрастаетъ, или упадаетъ. Будетъ послѣднее и съ умѣренностью постепенно, такъ что, однажды цѣлость непоколебавши, нечувствительно и ревность ваша станетъ воздушнымъ метеоромъ, ежели за время не подкрѣпится особою или особами, отъ коихъ мы зависимъ.

Большая часть сихъ, употребляя насъ въ одну ихъ пользу, примѣтя въ насъ сію *остылость*, съ негодованія, обыкновенно, насъ мѣняютъ на первовстрѣчающагося пріятнаго, хотя неполезнаго и часто сей выборъ бываетъ обществу вреденъ и отъ того часто великія намѣренія терпятъ крушеніе, или къ желаемому концу совершенно не достигаютъ...

Павелъ [1], необросши бородою, вопіетъ, что на старыхъ людей нѣтъ никакой моды.... Производство сіе присвоеніемъ) души въ общественномъ видѣ прилагаю и (къ) себѣ *не изъ кичливости во мнѣ невѣдомой*, но почти сороколѣтнее испытаніе въ одномъ родѣ служенія, какъ бы оно посредственно не было, мнѣ его вѣрно пріобрѣсти способствовать надлежало; безъ науки въ людскихъ коварствахъ отъ нихъ себя предостеречь всегда я былъ безсиленъ: подкрѣпляетъ добродѣтель; такъ; но и она имѣетъ ся предѣлы и мы иногда видимъ, что она уже послѣ смерти блистаетъ. Цвѣтя превратно достоинствами, толкуютъ ихъ пороками; добродѣтели вашей не долго дать имъ святотатства, потомъ, возвыся малые ваши недостатки, заставятъ сомнѣваться о лучшихъ способностяхъ вашего духа и смысла—къ важнымъ предпріятіямъ.

Въ противорѣчія есть изгибы. Сей ослиная голова говорилъ на мое лицо: правитъ слѣпое счастье; я говорю—Цезарь правилъ счастьемъ....... Когда нѣтъ справедливости въ сенатѣ, она въ одномъ Катонѣ.... Позвольте любезный другъ, моему невѣжеству, азіятскимъ, либо восточнымъ упитанному, вашимъ Европейскимъ нѣжностямъ смѣяться; у насъ похитителю жизни ровная казнь; похитителю чести—кожу дерутъ, а у васъ

[1]) Отрывочныя перефразировки латинскихъ классиковъ (Цезаря, Салюстія, Цицерона и др.).

только рубятъ правую руку..... предавать судьбѣ Божіей, куда спрятать данную имъ намъ волю..... некому меня учить; я самъ знаю, ни Аристотелю, ни Сократу, ни вамъ. Я упрямъ; тотъ буду, съ тѣмъ и умру.... у опальнаго дворянина правило: щей горшокъ—самъ большой.... Знаете мою систему (о деньгахъ): Христосъ не оставитъ»...

Въ концѣ этого любопытнаго письма Суворовъ замѣчаетъ: «Начертанія мои часто мною не читанныя во зло не вмѣните и Respice finem [1]). Воображайте себѣ добраго за горами друга, имѣющаго одно истинное утѣшеніе въ сообщеніи вамъ его ежевременныхъ мыслей»....

[1]) Т. е. помните конецъ.

V.

Царствованіе Императора Павла І-го, съ первыхъ дней своихъ оказавшееся протестомъ по отношенію къ прошедшему, внесло не мало новаго въ общественную и частную жизнь Суворова.

Чувства равенства, дисциплины, порядка и борьбы съ сословными привилегіями сдѣлались отнынѣ руководящими его побужденіями, повидимому, побужденія эти взросли не столько на почвѣ продуманныхъ мыслей, сколько въ силу накипѣвшихъ горькихъ чувствъ.

Преобразовательная программа получила характеръ борьбы съ предшествующимъ царствованіемъ. Въ государственной работѣ сказалась реакціонная подкладка, и лучшія предпріятія оказались запечатлѣнными личной непріязнію.

При желаніи только исправить неправильныя отношенія, подверглись преслѣдованію тѣ идеи, на которыхъ эти отношенія были основаны.

Реформы коснулись и военнаго дѣла. Внѣшность войскъ подверглась измѣненію по прусскимъ образцамъ. Измѣнены были пріемы обученія, вводилась прусская «методика» и суровая дисциплина, доходившая до жестокости.

Всему этому Суворовъ сочувствовать не могъ. Знакомясь съ собственноручными его замѣтками и письмами за это время (1797—1799 гг.) еще больше сживаешься съ истиннымъ затаеннымъ міровоззрѣніемъ Александра Васильевича, свыкаешься со складомъ его яркой философской мысли. Въ вѣчной борьбѣ ограниченности его хилаго и уже болѣзненнаго тѣла съ неограниченностью сильнаго духа чувствуется рядъ побѣдъ, одерживаемыхъ послѣднимъ. Душевная красота этого старца, увлекательна, сила его слова (только прочтеннаго) захватываетъ, плѣняетъ. Услышанное—оно должно было дѣйствовать непосредственнѣе, слѣдовательно сильнѣе.

Всѣми средствами души и ума возстаетъ Суворовъ противъ вводившейся прусской новизны и суровости въ арміи.

«.... Строгій Валленштейнъ не давалъ себѣ времени къ размышленію. Скоръ и кратокъ=вели бестію повѣсить. Опытъ вои(нскаго) иску(сства) не уставъ воинскаго иску(сства). Воинская разстройка. Такъ говорю, потому что *опытъ не уставъ*. Этотъ же опытъ найденъ въ углѣ развалинъ древняго замка, на пергаментѣ, изъѣденномъ мышами. Свидѣтельствованъ Штенверомъ, Линдперомъ и переведенъ на нѣмороссійскій языкъ» [1]).

«Милосердіе покрываетъ строгость, при строгости надобна милость иначе строгости тиранство».—писалъ Суворовъ.—«Я строгъ въ удержаніи здоровья, истиннаго искусства. благонравія: милая солдатская строгость. А засимъ общее братство. И во мнѣ строгость по прихотямъ была бы тиранствомъ. Гражданскія доблести не замѣняютъ безполезную жестокость въ войскахъ [2]).

«Я генералъ генераловъ [3]); тако не въ общемъ генералитетвѣ. Я не пожалованъ при паролѣ. Мою тактику прусскія принимаютъ, а старую, протухлую оставляютъ, отъ сего французскія ихъ били.... не зная моей тактики Вурмзеръ есть въ опасности. Я, Боже избави, никогда противъ отечества».

Отстаивая родную русскую самобытность Суворовъ восклицаетъ [4]): «карейныя казармы, гдѣ ночью запираться будутъ—тюрьма; прежде дѣлили провіантъ съ обывателями, ихъ питомцами; въ слезахъ—мы нѣмцы».

«*Методикъ подъ мною*»,—пишетъ Суворовъ въ другомъ мѣстѣ [5])—«Я выше правилъ. Я не уступалъ Ю. Цезарю, наставнику моему до Кобрина».

Когда 6 ноября 1796 г. скончалась Императрица Екатерина. Суворовъ писалъ:

«.... съ одной стороны я плачу, съ другой возношу хвалу Вышнему, что повалилъ кумировъ» [6]).... и въ слѣдующій затѣмъ Екатерининъ день «сей день печальный я отправлялъ послѣ заутрени, безъ собранія, одинъ въ алтарѣ, на колѣняхъ съ слезами.

Неблагодарный усопшему Государю будетъ неблагодаренъ царствующему. Среди гоненія К. П—на въ Херсони я ходилъ на гробъ К. Г. А. Потемк(ина), помня одни его благодѣянія [7])»....

Первыя впечатлѣнія Суворова на зарѣ новаго царствованія были ра-

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10. л. 205 (13 янв. 1797 г. по утру). [2]) Тамъ же кн. 10, л. 203 (12 января 1797 г.). [3]) Тамъ же кн. 10, л. 195 (10 генваря 1897 г. на закатѣ солнца). [4]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 197. (11 генваря 1797 г. по утру). [5]) Тамъ же кн. 10, л. 184. («Прибаски юстиціи»). [6]) Тамъ же кн. 10, л. 132. (18 ноября 1797 г. Тульчинъ). [7]) Тамъ же кн. 10. л. 144. (24 ноября 1796 г.).

доствыя; надежды его свѣтлы и широки. «Посвящая мою жизнь Всевысочайшей службѣ Вашего Императорскаго Величества и всепресвѣтлѣйшаго дома, повергаю себя къ освященнѣйшимъ стопамъ съ благоговѣніемъ....» писалъ онъ въ рапортѣ Государю отъ 18 ноября [1]), а 25-го ноября 1796 года изъ Тульчина въ письмѣ Д. И. Хвостову восклицалъ [2]): «Ура»! мой другъ Г. А. А. Безбо(родко) первый министръ.... О, пора мнѣ знать о себѣ по французской экспедиціи. Слава Богу и въ Италіи Алвинцый съ Давыдовичемъ начали хорошо; Бонапарте сбитъ, хотя не побитъ. Бѣжитъ, но тамо сменъ».

Указомъ 10 декабря 1796 г. Суворовъ назначенъ былъ Инспекторомъ по пѣхотѣ Екатеринославской дивизіи [3]), а черезъ пять дней Императоръ Павелъ писалъ ему: [4]) ....«кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ и у иныхъ правда и безъ того по одному глазу было. Поздравляю съ Новымъ годомъ и зову пріѣхать къ Москвѣ къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей. Павелъ. Приводи своихъ *въ мой порядокъ* пожалуй».

Но этому-то именно порядку и не сочувствовалъ старый воинъ. Напротивъ, распоряженія о перемѣнахъ въ пограничной кавалеріи смущаютъ полководца.... «Гусарскіе новые полки опредѣлены на форпосты», говоритъ онъ [5]), «они будутъ раздроблены, больше будутъ терпѣть и эскадронную службу забудутъ. О казакахъ ничего не сказано; слышно, что они пойдутъ на Донъ и проч.; ихъ службу забудутъ, уподобятся крестьянамъ....», послѣдовавшій затѣмъ указъ объ роспускѣ Донцовъ [6]) вызываетъ искреннее негодованіе Суворова.... «вы знаете», пишетъ онъ [7]) «казаки свою службу забудутъ, гусары мѣсто ихъ службу свою разстроятъ; у нѣмцевъ нѣтъ казаковъ....», а въ области выучки и даже въ нѣкоторыхъ военно-административныхъ вопросахъ Суворовъ, повидимому, очень разсчитывалъ удержать свои старые порядки. Такія предположенія по вопросу о чинопроизводствѣ высказаны между прочимъ въ письмѣ адъютанта Суворова Д. Мандрыкина отъ 2 декабря 1796 г. изъ Тульчина къ Д. И. Хвостову «.... Графъ.... хочетъ по старому продолжать производство какъ штабъ, такъ и оберъ офицерамъ, кои сего *достойны по заслугамъ* будутъ. Приказать мнѣ изволилъ о семъ донести вамъ съ тѣмъ, чтобы вы изволили тамъ по коллегіи тщательно узнать, не будетъ ли таковое производство по нынѣшнему положенію дѣлъ про-

[1]) Тамъ же кн. 10, л. 142. [2]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 146. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 164. (Копія Высоч. повел. отъ 10 дек. 1796 г. сравн. тамъ же л. 130). [4]) Тамъ же кн. 10, л. 168. [5]) Тамъ же кн. 10, л. 182 (30 декабря 1796 г. изъ Тульчина). [6]) Тамъ же кн. 10, л. 172 (27 декабря 1796 г. Распоряж. гр. Ник. Салтыкова за № 722... «Его И. В. Высочайше указать изволилъ полки Донскіе въ вашей командѣ нынѣ находящіеся на Донъ въ ихъ жилища немедленно отпустить...») [7]) Тамъ же кн. 10, л. 130.

тивно Великому Государю. Казалось бы, не для чего сомнѣваться, но для осторожности лучше знать [1])....» Надежды эти не сбылись и вскорѣ обстоятельства измѣнились совершенно. Жалованная грамота 1785 г. вмѣстѣ съ важнѣйшими личными преимуществами привилегированныхъ сословій оказалась отмѣненною. Опала постигла и Суворова.

По поводу пріѣзда въ Петербургъ адъютанта его капитана Уткина «съ однѣми партикулярными письмами», Императоръ Павелъ обратился 2 января 1797 г. къ Александру Васильевичу со слѣдующими словами [2]: «.... предписываю остальныхъ адъютантовъ и прочихъ чиновъ, въ штабѣ вашемъ находящихся, съ полученіемъ сего тотчасъ причислить въ состоящія подъ вашею командою полки и къ онымъ ихъ немедленно отправить».....

Врядъ ли заслуженная, суровость эта огорчила Александра Васильевича; «сколь строго, Государь, ты меня наказалъ за 55-ти-лѣтнюю прослугу» съ грустью помѣтилъ онъ 11 генваря 1797 г. въ Тульчинѣ по утру. «Казненъ я тобою штабомъ, властью производства, властью увольненіемъ отъ службы, властью отпуска, знаменемъ съ музыкою при личномъ караулѣ, властью переводовъ. Оставилъ ты мнѣ, Государь, только власть Высочайшаго указа 1762 года (вольность дворянства)» [3])...

Трогательна и поучительна постепенность внутренней борьбы, завязавшейся въ душѣ Суворова, еще за полгода до того высказавшаго, что «гордость приходитъ предъ паденіемъ....» [4]). «На то благоразуміе; не обольщайтесь розами, терніи подъ ними... Украшеніемъ забудутъ ли он(и), что я провидѣніемъ отъ моего запада взялъ ихъ востокъ. [5]). ....У Государя хотя я марсъ, но зеленѣетъ олива...».

Затаенное сомнѣніе ростетъ: ...«А вѣжливъ бываетъ и палачъ... недовѣрія не уменьшать и цвѣтками какими не обольщаться...» [6]). По складу характера своего Суворовъ не могъ поступаться своими убѣжденіями и пріемами дѣятельности; сопоставляя себя съ Зубовымъ, онъ выразился такъ: «онъ послушенъ предписаніямъ, а я исполняю по обстоятельствамъ...» [7]). Въ эти тяжелыя минуты жизни Суворова потребность его изложить мысль на бумагѣ ростетъ. По нѣсколько разъ въ день берется онъ за перо и помѣчаетъ на верху листа, кромѣ даты еще и время дня: «на закатѣ солнца» [8]), «по утру», [9]) «на вечеръ» [10]). Какою то необыкновенной искренностью, тепломъ вѣетъ отъ его строкъ: «Я помню старую дружбу, ни въ комъ мнѣ нужды нѣтъ, пекусь я

—

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 152. [2]) Тамъ же кн. 10, л. 189. [3]) Тамъ же кн. 10, л. 197 и 198. [4]) Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 33. (4 іюня 1796 г. изъ Тульчина). [5]) Тамъ же; кн. 10, л. 192 (безъ даты). [6]) Тамъ же; кн. 10, л. 124. [7]) Тамъ же: кн. 10, л.л. 122 и 123. [8]) Тамъ же; кн. 10, л. 195. [9]) Тамъ же, кн. 10, л.л.—197, 205 и др. [10]) Тамъ же; кн. 10, л. 199.

только объ общемъ благѣ, но паче желаю зло предварять, пишетъ онъ» [1]. «Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ Богъ, Государь и отечество... Судьба всѣмъ правитъ...» [2].

Тихая грусть чувствуется въ каждой строкѣ. Но почеркъ тотъ же — твердый, ясный, опредѣленный. 11 Января 1797 г. Суворовъ рѣшается обратиться къ Императору съ просьбой о годичномъ отпускѣ [3]: «мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить для исправленія отъ дня въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ мои здѣшнія Кобринскія деревни на сей текущій годъ . . . .».

Приказомъ 6 Февраля 1797 года Суворовъ отставленъ отъ службы безъ мундира и въ концѣ апрѣля сосланъ въ свое имѣніе Кончанское, Боровицкаго уѣзда, Новгородской губерніи, гдѣ за нимъ учрежденъ надзоръ въ лицѣ Коллежскаго Ассесора Ю. А. Николева. Полководцу запрещено отлучаться изъ деревни, ѣздить къ сосѣдямъ и принимать ихъ, а корреспонденція его прочитывалась. Николевъ, отправляясь въ Боровичи получилъ особую секретную инструкцію [4]. «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію опредѣляется Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій на житье въ деревняхъ его, состоящихъ Новгородской губерніи, въ Боровицкомъ уѣздѣ. На каковой конецъ вслѣдствіе Его Императорскаго Величества соизволенія и имѣете Вы отправиться въ оный городъ Боровичи и жить тамо для надзиранія объ образѣ его жизни, поведеніи и вообще всякаго рода поступкахъ, о коихъ увѣдомлять меня еженедѣльно, со всякою подробностью». Далѣе слѣдовали «6 правилъ при семъ надзираніи предписываемыхъ».

Время тяжкихъ испытаній наступило [5]. Письма, включенныя въ 11-ю книгу Рукописнаго Сборника, даже обращенные къ Д. И. Хвостову, чаще всего уже только подписаны Суворовымъ. Обвиненія, на него взводимыя, коснулись его самыхъ завѣтныхъ, дорогихъ качествъ: чести и честности, «объ ущербѣ казенному и частному интересу». Удовлетворялись предъявляемые на него иски, не смотря на полную ихъ неоснова-

---

[1]) Тамъ же; кн. 10, л.л.—83 и 84. [2]) Тамъ же; кн. 10, л. 112. [3]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 201 (изъ Тульчина). Въ тотъ же день «на вечеръ» Суворовъ писалъ Д. И. Хвостову (тамъ же, л. 199). «Вотъ вамъ хаосъ, а мнѣ свѣтъ. Я увижу вирту (vertu) и добродѣтель. Не буду сообщникъ вреду отечества, коль паче противъ его не воздвигну. Блюдите Государя! Лейснеръ, пруссаки и голштинцы Его, намощаютъ краскою, послѣ гнилою пылью...». [4]) Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древност. Росс. при Московск. Универс. 1862 г., кн. 4, стр. 199. У Н. Ф. Дубровина А. В. Суворовъ, стр. 166, 185 и 195). Николевъ названъ *Николаевъ*. [5]) Характерно очерчиваетъ несправедливости въ отношеніи Александра Васильевича письмо Мандрыкина къ Хвостову (Рук. Сув. Сборн. кн. 10, л. 252).

тельность [1]). Маіоръ Виговскій требуетъ возмѣщенія тройной стоимости своей усадьбы, пострадавшей отъ гранаты во время сраженія; Подскарбій литовскій Графъ Вурцель взыскиваетъ съ Суворова за неизвѣстно кѣмъ расхищенный поташъ и лѣсъ 5628 червонныхъ, а Растопчинъ требуетъ уплаты крупной суммы, истраченной «*умершимъ* Полковникомъ Шиллингомъ по словесному» (когда и гдѣ не выяснено) отданному приказанію и т. д.

«Я не денежникъ, счетъ въ нихъ мало знаю, кромѣ казны» говоритъ Суворовъ [2]).

Эти нравственныя боли вызвали физическіе недуги. Но духъ Великаго старца борется до послѣднихъ силъ:

«Бездушные крамольники да не вмѣнятъ во зло, что я здѣсь иногда упражняюсь съ моими сосѣдями непорочно въ дружескихъ утѣхахъ; они меня любятъ за мое чистосердечіе, какъ любили солдаты. Тако препроводя святыя вечера, съ наступленіемъ коихъ васъ поздравляю, изготовлюсь къ великому посту, чтобы препроводить оный въ постѣ и молитвахъ съ обычнымъ моимъ благочестіемъ» [3]). Однако физическіе немощи одолѣвали.

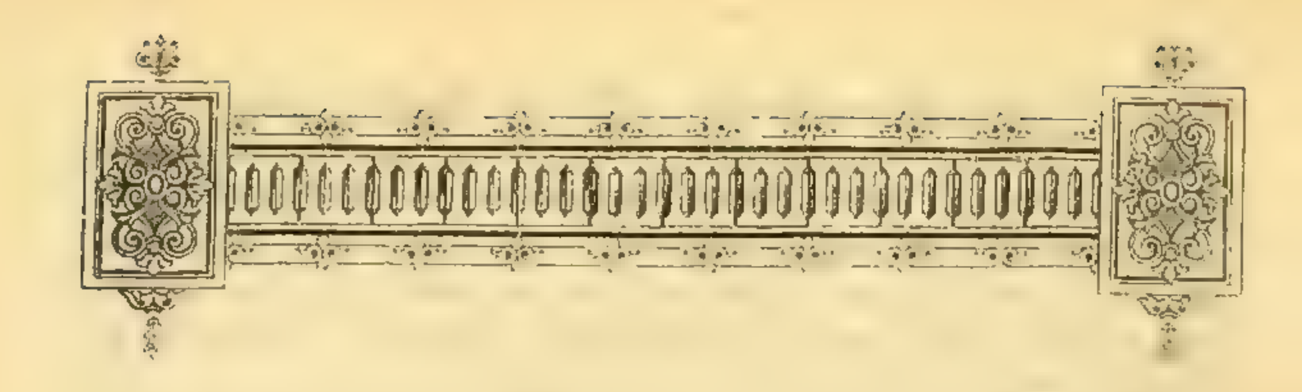
18 декабря 1798 г. Суворовъ пишетъ: ...«я стремленіемъ спѣшу предстать чистою душою предъ престолъ Всевышняго. Лѣвая моя сторона, болѣе изувѣченная, уже пять дней нѣмѣетъ, а больше мѣсяца назадъ я былъ безъ движенія во всемъ корпусѣ...» [4]).

...«Клевретамъ воля до Божьего наказанія. Особливо, какъ усмотрю приближеніе моей кончины, готовлюсь въ иноки...».

По природному благородству души своей Императоръ Павелъ не могъ не сознавать, что если за Суворовымъ, при всѣхъ его высокихъ неоцѣнимыхъ достоинствахъ и чувствовалась вина, то была она по существу своему формальнаго, внѣшняго свойства и что маститый воинъ не заслуженно, за недоразумѣніе, несъ постигшую его кару. Черезъ годъ, 12 Февраля 1798 года Государь писалъ Князю А. И. Горчакову: «Ѣхать вамъ, Князь, къ Гр. Суворову, сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ надѣюсь не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію. *Павелъ.* [5]). Но на 68-мъ году жизни Суворовъ измѣнить свой образъ мыслей и весь складъ своихъ понятій, привычекъ и рѣчей—не смогъ.

Вѣроятно не на одинъ годъ сократили эти нравственныя испытанія жизнь Александра Васильевича. Но его срокъ еще не насталъ. Величайшій подвигъ былъ впереди.

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 11, л.л. 65 и 66. (Записка о взысканіяхъ съ гр. А. В. по Высочайшимъ Имяннымъ Указамъ). [2]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л.л. 122 и 123. [3]) Тамъ же; кн. 11, л. 54. (18 декабря 1798 г. Село Кончанское). [4]) Тамъ же; л. 59. (18 декабря 1798 г.). [5]) Рукоп. Сув. Сборн. кн. 6, л. 1.

VI.

Въ самыя тяжелыя минуты своего «Кончанскаго сидѣнія», когда Суворовъ изнемогалъ подъ гнетомъ несправедливыхъ, позорящихъ доброе его имя денежныхъ взысканій, онъ писалъ Императору Павлу: «Я имѣю исповѣдать предъ Божественнымъ Престоломъ Твоего Величества о некорыстолюбіи солдата» [1]). Это желаніе недоброжелателей и враговъ «себѣ неправеднаго присвоенія», говоритъ Суворовъ, «мнѣ причинили стыдъ, душу мою глубоко поражающій».

Безкорыстіе «незабвеннаго Суворова», какъ называлъ его А. С. Шишковъ, бѣлою нитью прошло черезъ всю его жизнь и оставило документальные слѣды въ цѣломъ рядѣ его писемъ. «Богатство мое состоитъ въ жалованныхъ брильянтахъ и надѣланныхъ въ С.-Петербургѣ мундирахъ, да серебряныхъ ложкахъ, выписанныхъ изъ М(осквы). Немедленно да постигнетъ меня страшный судъ, если лгу...» ...Я оскудѣвши живу половиннымъ жалованьемъ... [2]).

Впослѣдствіи управлявшій его деревнями и московскимъ домомъ, статскій совѣтникъ Черкасовъ, не всегда оправдывалъ его довѣріе, а самъ безсребренникъ — Александръ Васильевичъ писалъ 7-го января 1799 г. изъ Кончанскаго Петру Васильевичу Лопухину [3]): «Я только военный человѣкъ, иныхъ дарованіевъ чуждъ. Въ краткую мою бытность въ Кобринѣ, тогда разные отставные штабъ и оберъ-офицеры выманили тамъ у меня деревни! И я родилъ неблагодарныхъ»... Въ письмѣ къ Д. И. Хвостову,

[1]) Рукописный Суворовск. Сборникъ, кн. II, л. 40. [2]) Академич. рукописн. сборн. Письмо къ И. П. Турчанинову, л. 31 (Астрахань, 27-го декабря 1780 г.) и лл. 32 и 33 (3-го февраля 1781 г.). [3]) Рукописный Суворовскій Сборникъ, кн. II, л. 68. П. В. Лопухинъ (1753—1827) былъ Ярославскимъ и Вологодскимъ губернаторомъ, а при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ (1798—1799 г.), впослѣдствіи съ 1803 по 1810—министромъ юстиціи и затѣмъ председателемъ госуд. совѣта и комитета министровъ. Въ 1799 г. онъ получилъ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости.

говоря о сынѣ своемъ, Суворовъ пишетъ: «Соблюдай его благочестіе, благонравіе и доблесть»; на то ему символъ: «не подло бѣдно жить, но подло должну быть»... [1]).

Поступая прямо и просто, Суворовъ «по врожденной естественной простотѣ» [2]), оставался всю жизнь и бѣденъ, и скроменъ: «И ежели вообразительно я иногда чего желаю, то сіе для публики; bête a cent têtes (т. е. стоголовая гидра) послѣдуетъ лучше отличнымъ въ милостяхъ, нежели въ дѣлахъ, отъ чего и важность успѣховъ. *Самъ же я себѣ, вѣрьте, только смертный»*... [3]). «Напоминаю тебѣ», писалъ онъ Д. И. Хвостову, «послѣдуй Аристиду въ правотѣ, Фабриціану въ умѣренности, Эпаминонду въ нелживости, Катону въ лаконизмѣ, Юлію Цезарю въ быстротѣ, Тюренну въ постоянствѣ, Лаудону въ правахъ».

«Мое бытье—для пользы! Въ персональности—удавленіе; въ патріотизмѣ — исправленіе; но неуспѣхъ — гибель... цѣломудріе, благочестіе, благонравіе, безпраздность и *въ нѣдры проникать...»*, вотъ житейскій катехизисъ этого русскаго человѣка, которому выше и прежде всего всегда дорога была правда, во всей ея чистотѣ, «и особливо безъ проклятаго экивока, коимъ сжимается всякій переговоръ, предается наугады и подъ харею лукавства закрытъ видъ глупаго обмана...» [4]). «...Развратъ вашъ такъ мнѣ низокъ, что я по сей часъ не опомнюсь и лучше бы вы меня утопили въ Ахеронтѣ...». «Будьте кротки и прямы, нѣжно-тверды...» [5]). «Мудры, яко зміи, чисты, яко голуби»!

Если въ характерѣ Суворова преобладаетъ простота и прямодушіе, то съ другой стороны онъ чутко отличалъ настоящую прямоту отъ фальши, прекрасно понималъ людей, въ томъ числѣ дурно къ нему расположенныхъ, старавшихся въ разговорахъ и письмахъ поддѣлываться подъ его слогъ, впадать въ его тонъ... «Кор(ицкій) пишетъ мнѣ письма школьнымъ стилемъ *въ ублаженье меня»*, говоритъ Александръ Васильевичъ Хвостову «и то правило мнѣ навлекаетъ, чѣмъ по непостижимому лѣноумію онъ бы и обманулъ. Но мнѣ возможно ли предаваться на волю ближняго?...».

Если отецъ Александра Васильевича, по свидѣтельству А. Петрушевскаго, былъ человѣкъ обыденный, а о матери его Авдотьѣ Федосѣевнѣ— опредѣленныхъ письменныхъ извѣстій до нашихъ дней еще не найдено, то тѣмъ не менѣе весь складъ характера Суворова представляетъ всетаки, такъ или иначе наслѣдственно подготовленный, собирательный, національный типъ.

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн., кн. II, лл. 4 и 15. [2]) Тамъ же, кн. II, л. 123 и гв. 6, л. 52. [3]) Академическій рукоп. Сборн., л. 38 (1-го іюня 1781 г. изъ Астрахани). [4]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 12, л. 16; изъ письма къ Д. И. Хвостову, чтобы съ И. В. Лопухинымъ дѣло исковъ трактовать просто, ясно и тѣмъ вразумительнѣе, безъ украшеніевъ; не обременять слога элоквенціей...». [5]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 12, лл. 5 и 10.

Совершенно также, какъ въ личности цѣлый рядъ отдѣльныхъ чертъ и признаковъ, постоянно между собою связанныхъ, представляютъ въ совокупности нѣкоторую общность, цѣлое, характеръ, такъ, общіе характеры, разнообразно и многоразлично повторяясь, связываютъ и объединяютъ въ цѣломъ націю за извѣстный періодъ ея жизни. И обобщенія эти не представляютъ собою искусственную сдѣлку, удобную для нашей мысли, какъ пріемъ классификаціи, какъ способъ мышленія, они совершенно реальны, объективны, существуютъ внѣ насъ и часто далеко за предѣлами нашихъ чувствъ и нашего синтезиса. Суворовъ самъ по себѣ явился выразителемъ цѣлой эпохи культурной жизни русскаго народа за весь XVIII вѣкъ.

«Свѣтъ и тѣни» этой русской жизни отразились во всемъ его складѣ. Изучая Суворова, вы слѣдите за ростомъ и развитіемъ при содѣйствіи Петра I преобразованнаго русскаго человѣка. Суворовъ былъ именно такимъ человѣкомъ Петровскаго времени и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ его собственный взглядъ на Петра Великаго. Онъ благоговѣйно чтилъ его память, говорилъ можетъ быть и иносказательно про «кокарду Петра Великаго, которую я носилъ и неоставлю до кончины моей» [1]. ...онъ называлъ Петра I «Прометеемъ, творцомъ и благодѣтелемъ своего народа, государемъ, вмѣщающимъ въ себѣ многихъ наилучшихъ государей; говорилъ, что одинъ Петръ *обладалъ тайной выбора людей*, удивлялся его генію *и на Ладожскомъ каналѣ, и на Полтавскомъ полѣ*, совѣтовалъ иностранцамъ учиться по-русски, чтобы познакомиться съ этимъ великимъ человѣкомъ». Если всмотрѣться въ исторію преобразованій XVIII вѣка, легко отмѣтить, что на Суворовѣ сказалась вся постепенность реорганизаціоннаго процеса, точка зрѣнія, съ которой отчасти и разсматривалъ его маститый нашъ историкъ Н. Ф. Дубровинъ [2]. Если отошелъ въ область наивной басни взглядъ на Суворова, какъ на «чудаковатаго генерала», если «общее образованіе Суворова выросло на спеціально военной основѣ» [3], то врядъ ли, однако, вполнѣ справедливо ограничивать значеніе этого военнаго Титана въ нашей исторіи *исключительно* и *единственно* одной только военной точкой зрѣнія.

Война въ «Исторіи русскаго міра» всегда играла выдающуюся культурно-устроительную роль и особенно въ XVIII столѣтіи. Но дѣло войны

[1]) Рукописный Суворовскій Сборникъ, кн. 10, л. 5 (6-го января 1796 г.). [2]) А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи 1886. Врядъ-ли, однако, можно согласиться съ справедливостью мнѣнія, что «частная и общественная жизнь Суворова не представляетъ намъ образцовъ, достойныхъ подражанія и въ этомъ отношеніи онъ не выдѣляется изъ заурядной толпы своихъ современниковъ... Суворовъ, какъ частный человѣкъ затеряется въ толпѣ» (стр. 3). [3]) Петрушевскій, ч. I, стр. 10.

по существу своему затрогиваетъ разнообразнѣйшія отрасли государственной жизни, а военный геній долженъ быть и бываетъ всеобъемлющъ.

Подтвержденіемъ такого положенія служитъ исторія великихъ полководцевъ міра Александра, Цезаря, Аннибала и другихъ, которые, «стоя на вершинахъ мыслительныхъ высотъ» были не только военачальниками, но и искуснѣйшими политиками, администраторами, государственными людьми, словомъ, устроителями своихъ царствъ и своей родины.

Хотя Суворовъ и говорилъ самъ, что онъ «только военный человѣкъ» и иныхъ талантовъ не имѣетъ, однако, вся его семидесятилѣтняя жизнь (по его собственнымъ словамъ, «столь открытая и извѣстная», что «никогда, никакимъ біографомъ искажена быть не можетъ»), всѣ оставленные имъ письменные памятники, твердо устанавливаютъ, что это былъ солидный, государственный умъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова [1].

Родись Суворовъ къ концу XVII вѣка, онъ несомнѣнно съ молоду же попалъ бы въ ряды потѣшныхъ, изъ которыхъ вышли лучшіе государственные сподвижники Петра I. Когда Суворову было 11 лѣтъ, то, по приводимому А. Петрушевскимъ преданію, къ его отцу заѣхалъ генералъ Ганнибалъ, негръ, питомецъ Петра Великаго. Наклонность Александра Васильевича къ книгѣ, къ наукамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленной работѣ, труду и къ выносливости физической носила такой страстный характеръ, что Ганнибалъ посовѣтовалъ отцу его «не препятствовать сыну, а поощрять его въ предпринятыхъ занятіяхъ» и сказалъ, «что блаженной памяти Петръ Великій непремѣнно поцѣловалъ бы мальчика въ лобъ за его настойчивые труды» [1]). Всякій «панегирикъ» по самому свойству своему, конечно, не достоинъ памяти Суворова, но врядъ ли возможно въ такихъ національныхъ образахъ, какимъ является Суворовъ, какъ бы изолировать полководческіе таланты отъ всего склада его ума, воли, побужденій и стремленій.

Какъ война есть одно изъ многочисленныхъ звеньевъ общественной жизни народовъ, такъ и военныя качества человѣка представляютъ крайне сложную *часть* всего его нравственнаго и умственнаго цѣлаго.

Въ минуты самосозерцанія самъ Суворовъ восклицалъ: «Дайте волю быстротѣ розлива моего духа, благомудро исправьте шлюзъ...» «истинно не могу утолить пожара въ душѣ моей...» [3]). По широтѣ образованія, по складу ума и обширности кругозора Александру Васильевичу Суворову должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи государственной жизни Россіи прошлаго столѣтія.

---

[1]) Ясное пониманіе Европейской и русской политики (внѣшней и внутренней—Кубань, Крымъ, Югъ Россіи, Польша, Финляндія); рѣдкая политическая прозорливость; организаціонные и административные таланты; широта взглядовъ; пониманіе людей; все это при выдающихся качествахъ ума, сердца и воли. [2]) Петрушевскій, ч. I, стр. 8. [3]) Рукописн. Сувор. Сборн., кн. 12, л. 5 и 17.

VII.

Во всемъ, что писалъ Суворовъ, онъ оставался задушевенъ, искрененъ, правдивъ и вѣренъ своему совершенно своеобразному, особому Суворовскому «*я*». Это самобытное, индивидуальное, *я* дѣйствительно составляло для него какъ бы математическій центръ, въ отношеніи котораго опредѣлялись и складывались явленія частной и общественной жизни, оно въ глазахъ Александра Васильевича получало устойчивое серьезное значеніе, которымъ онъ не поступался ни передъ кѣмъ и ни при какихъ обстоятельствахъ.

Вызванный въ 1798 году въ Петербургъ къ Государю, онъ не скрылъ своего несочувствія новому порядку обученія; болѣе часа бесѣдовалъ съ нимъ Императоръ съ глазу на глазъ, склонялъ его проситься снова на службу. Во время этого разговора Суворовъ себѣ не измѣнилъ. Пытливая мысль относила его на двадцать-тридцать лѣтъ назадъ, къ первымъ его жизненнымъ шагамъ, онъ вспоминалъ про Измаилъ, длинно разсказывалъ про штурмъ, говорилъ про Прагу и про другіе свои походы; присутствуя затѣмъ на разводѣ, онъ явно и смѣло выразилъ несочувствіе совершившимся реформамъ обмундированія, снаряженія, обученія. Между проходившими церемоніаломъ взводами Суворовъ бѣгалъ, суетился, шепталъ что-то про себя и на вопросъ, что онъ дѣлаетъ отвѣчалъ, что читаетъ молитву: «Да будетъ воля Твоя».

Всѣмъ своимъ прошлымъ Суворовъ поступиться не могъ и не поступился.

«Духъ истиннаго любомудрія наставилъ его съ юныхъ самыхъ лѣтъ пренебрегать мнѣніемъ людей и довольствоваться заключеніемъ потомства [1]) Предавшись военной службѣ, онъ посвятилъ ей все: богатство, покой, забавы, любовь и даже родст(венное) чувство... Суворовъ похожъ един-

[1]) Суворовскій Рукописный Сборн., кн. 11, лл. 144 и 145.

ственно самъ на себя: непоколебимъ, съ сердитымъ нравомъ, веселъ, даже съ глубокимъ размышленіемъ...» вотъ какъ охарактеризовалъ Александра Васильевича князь Бѣлосельскій.

Кончанское изгнаніе продолжалось до 6-го февраля 1799 г., когда Суворовъ неожиданно узналъ, что отъ опалы онъ вновь призывается къ власти.

«Уже пожаръ мятежный все обращаетъ въ пепелъ и грозитъ столицѣ слабосильныхъ кесарей», пишетъ современникъ [1]) Суворова... все вездѣ унываетъ, единъ царь бодрствуетъ на пятой долѣ міра. Единъ спокойно обозря всѣ концы своего достоянія съ властью сказалъ: «Да узрятъ мой флагъ вокругъ Европы и ты, Суворовъ, внемли прошенію князя-князей германскихъ и ступай за вѣру и человѣчество, за мою и твою славу».

И Суворовъ двинулся, какъ другой Цинцинатъ, и явился въ Италіи, какъ нѣкое божество; явился съ горестью соотчичей, «*но со всей громадой своихъ мыслей и дарованій*!»

Еще въ декабрѣ 1798 года Александръ Васильевичъ съ смиреніемъ писалъ Государю: «...всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни къ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости милосердный Государь...» прошеніе это повидимому осталось безъ отвѣта, а 6-го февраля прибылъ въ Кончанское флигель-адъютантъ Толбухинъ съ рескриптомъ Государя отъ 4-го февраля: «сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ по сему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Суворовъ писавшій, что «смерть моя—для отечества...» [2]) помолившись въ сельской церкви выѣхалъ 7-го на почтовыхъ и 9-го прибылъ въ Петербургъ.

Слабый, хилый, но сильный духомъ, прибылъ Суворовъ изъ заточенія. И какъ велико еще было обаяніе этого изстрадавшагося идейнаго, волевого человѣка. Императоръ Павелъ невольно испытывалъ это вліяніе и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій: «веди войну по своему какъ умѣешь» [3]).

Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣднихъ числахъ февраля. Ѣхалъ Суворовъ не скоро. Здоровье его было уже расшатано и остановки дѣлались дважды въ день по 3 часа «ради пищеваренія, прежде чѣмъ тронуться въ дальнѣйшій путь».

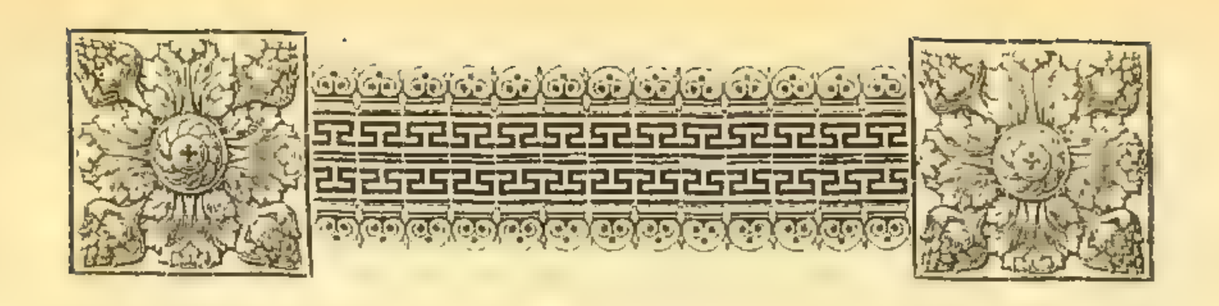
[1]) Рукописный Суворов. Сборн. кн. 12, л. 13. [2]) Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 11, л. 71. [3]) Петрушевскій, 3, стр. 11.

Болѣе продолжительныя передышки были сдѣланы въ Митавѣ и Вильнѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ остановился передъ главной гауптвахтой и принялъ рапортъ отъ командира Фанагорійскаго полка. Здѣсь стоялъ народъ, толпились солдаты. Суворовъ подзывалъ ихъ, узнавалъ, называлъ по-именно, гренадеръ Кабановъ переглянувшись со своими вышелъ впередъ и просилъ Суворова взять полкъ съ собою въ Италію. «Хотимъ, желаемъ», подхватили солдаты.

Прочная связь, установилась между этими людьми и старшимъ ихъ товарищемъ. Ихъ мысли и чувства, ихъ интересы, и стремленія складывались, жили и развивались въ тѣсномъ общеніи и связи съ любимымъ полководцемъ, который умѣлъ такъ хорошо любить и прощать [1]).

[1]) «La mesintelligence des amis ne provient que de ce que l'un ne sait pas pardonner à l'autre». Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 12, л. 7.

VIII.

Еще за 1½ мѣсяца до своего въѣзда въ Вѣну, Суворовъ писалъ Д. И. Хвостову изъ Кончанскаго[1]): «здоровье мое слабо».

Нравственныя испытанія подрывали силу его духа и стойкость къ перенесенію физическихъ недуговъ и старыхъ ранъ[2]).

Разслабленный, удрученный болѣзнью, почти умиравшій старецъ—неожиданно призванный къ дѣятельности, оживаетъ и лишній разъ сильный духъ его одерживаетъ верхъ надъ ослабѣвшимъ тѣломъ.

Во время путешествія изъ Петербурга въ Италію черезъ Вѣну, Александра Васильевича сопровождалъ князь Андрей Горчаковъ, письма котораго къ Д. И. Хвостову сохранились въ 11-й книгѣ Суворовскаго Рукописнаго сборника (всего семь писемъ л.л. 93—96). 9 (20) марта Суворовъ прибылъ въ Брещу Новую[3]), а 14 марта вечеромъ[4]) въ Вѣну, въ которой пробылъ десять дней.

Уже съ 1796 года легко замѣтить съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Александръ Васильевичъ за итальянскими дѣлами Австрійцевъ, за движеніями Вурмзера, Альвинцы и другихъ австрійскихъ

---

[1]) Рукописн. Суворовск. Сборн. кн. 11, л. 75. (25 января 1799 г.). [2]) Подъ Глогау (октября 1761 г.) Суворовъ раненъ отъ рикошета, въ апрѣлѣ 1770 г. получилъ отъ понтона ударъ въ грудь при переправѣ черезъ Вислу; подъ Ланскроною (1771 г.) шляпа и мундиръ Суворова прострѣлены пулями; подъ Туртукаемъ (10 мая 1713 г.) онъ былъ контуженъ въ ногу; подъ Комбурномъ (1787 г.) раненъ картечью въ бокъ; подъ Очаковымъ (28 августа 1788 г.) раненъ пулей, которая попала на два пальца отъ горла и остановилась въ затылкѣ; во время лѣченія одна бомба отъ пороховаго магазина разбила часть стѣны той комнаты, въ которой лежалъ Суворовъ и ранила его въ лицо, грудь и колѣно; по Бантышъ Каменскому (біографія) ч. 2, стр. 89. [3]) Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 11, л. 96. [4]) По Бантышъ-Каменскому (Біографія ч. II, стр. 146), Суворовъ прибылъ въ Вѣну 15 марта поздно вечеромъ. Милютинъ—(ч. I, стр. 138) пишетъ: «ввечеру, марта 14. Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну».

генераловъ, за операціями Бонапарта и стратегическая обстановка на Европейскомъ театрѣ вообще, и въ Италіи въ частности, какъ это видно изъ его замѣтокъ и писемъ, была для него совершенно ясна [1]). Такимъ образомъ Суворовъ зналъ цѣну Австрійскимъ планамъ, понималъ трудность зависимости отъ Вѣнскаго Кригсрата, хотѣлъ самостоятельности и чуждался загадывать про далекое, вѣрный завѣту, высказанному Петромъ Великимъ: «намъ, яко человѣкамъ, надлежитъ ближнее смотрѣть».

Д. А. Милютинъ и А. Петрушевскій передаютъ впечатлѣніе, произведенное Александромъ Васильевичемъ въ Вѣнѣ [2]).

Онъ чувствовалъ, что «особливость политической связи» [3]) въ Вѣнѣ послужитъ для него источникомъ горькихъ разочарованій и поэтому сразу рѣшилъ завоевать свою самостоятельность.

Гофкригсратъ въ лицѣ своего руководителя Барона Тугута, самъ австрійскій Императоръ Францъ, даже нашъ посолъ Разумовскій старались заставить Суворова такъ или иначе высказать свои планы и предположенія. Но Александръ Васильевичъ остался твердъ и далъ понять, что онъ только на мѣстѣ рѣшитъ какъ вести дѣло.

Свое мнѣніе о Тугутѣ и ему сопричастныхъ дѣятеляхъ, Суворовъ высказывалъ позже не разъ: «...токмо никогда ничему путному не бывать доколѣ аза въ глаза военнаго дѣла несмыслящій Тугутъ будетъ деспотъ надъ операціями; его невѣдать! Онъ свои декреты подноситъ Императору и слѣпо подпись...» [4])

24 марта Суворовъ покинулъ Вѣну и въ сопровожденіи князя Андрея Горчакова черезъ Брукъ и Виллахъ направился къ Веронѣ.

4/15 апрѣля 1799 г. князь Горчаковъ писалъ изъ Вероны Д. И. Хвостову [5]): «мы слава Богу благополучно пріѣхали въ Верону; всѣ встрѣчи, которыя были по дорогѣ и въ Вѣнѣ ничего противъ того, что здѣсь было. За милю нѣмецкую почти вышла часть здѣшняго народа, вынес(ла) знамя и съ великими восклицаніями: виватъ, поставил(и) знамя сіе на графскую карету и такимъ образомъ въѣхали мы въ городъ, гдѣ часъ отъ часу прибавлялась толпа, умножалась и наконецъ доходила тысяч(ь) до тридцати, всѣ кричавшіе: виватъ Суворовъ, а потомъ: виватъ Францъ и Суворовъ! главная квартира не здѣсь; на четыре мили отсюда и мы завтра отправляемся». Въ письмѣ имѣется французская приписка, имѣющая значеніе для изслѣдованія Суворовской иконографіи: «дорогая сестрица, посылаю вамъ свой портретъ, сдѣланный первымъ художникомъ Вѣны [6]) въ благодарность за то, что я доставилъ ему разрѣшеніе написать портретъ фельдмаршала».

---

[1]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 10, л. 146. [2]) Рукоп. Сувор. Сборн. кн. 12 (у Петрушевскаго ч. I, стр. 240). [3]) Академич. Рукописн. Сборн., листъ 38. [4]) Рукописн. Суворовскій Сборн. кн. 6, л.л. 80, 81 и 82. [5]) Рукописн. Сувор. Сборн. кн. 11, л. 104. [6]) Вѣроятно Крейцингеръ.

Въ № 40 С. П. Вѣдомостей отъ 17 апрѣля [1]) 1799 года въ кореспонденціи изъ Вероны было напечатано: «Суворовъ, принявъ главную команду, сдѣлалъ смотръ Императорской арміи: здѣсь въ Веронѣ спалъ онъ только на сѣнѣ и каждый день купался; теперь отбылъ онъ въ Императорскую главную квартиру въ Валеджіо. Россійскіе казаки стоятъ уже на форпостахъ, Мантуя обступлена уже со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ тамъ соли и дровъ, но провіанта довольно для гарнизона»...

4 апрѣля Суворовъ выѣхалъ изъ Вероны въ Валеджіо, куда прибылъ на другой день.

8 апрѣля соединенная армія въ трехъ колоннахъ двинулась къ рѣкѣ Кіезѣ и послѣ дневки 10-го числа продолжала путь къ рѣкѣ Меллѣ и Оліо.

Сдача Брешіи (съ гарнизономъ въ 1264 человѣка при 46 орудіяхъ) была первой боевой удачей.

Въ Петербургѣ служили молебенъ «побѣдоносну Суворову - Рымникскому», а нравственное впечатлѣніе перваго, хотя и незначительнаго успѣха, и въ Вѣнѣ, и на театрѣ войны, среди населенія было очень велико.

14 апрѣля армія подошла къ Аддѣ и разбивъ здѣсь 16 числа генерала Моро Суворовъ 17-го, или 18-го вошелъ въ Миланъ, гдѣ провелъ четыре дня [2]).

Въ Вѣнѣ Суворову настоятельно предлагали выполнить сложный планъ кампаніи *до* рѣки Адды.

Суворовъ рѣшилъ начать свою кампанію *отъ* этой рѣки и писалъ Разумовскому о сраженіи при Кассано, называя Адду Рубикономъ [3]) на дорогѣ въ Парижъ: «тако и другія рѣки въ свѣтѣ всѣ переходимы».

Войска вышли изъ Милана 20 апрѣля, на Мецано Корти къ Турину.

26 апрѣля вечеромъ въ Вогерѣ къ арміи прибылъ Наслѣдникъ Константинъ Павловичъ подъ именемъ графа Романова и остался при арміи, чтобы начать свое боевое поприще подъ руководствомъ Суворова.

Послѣ занятія Турина и покоренія Піемонта Александръ Васильевичъ въ первой половинѣ іюня, дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ противъ Моро и Макдональда, нанесъ послѣднему тяжелое пораженіе въ трехдневномъ бою на Тидонѣ и Требіи, а 4 августа 1799 г. бьетъ Жубера при Нови [4]).

---

[1]) Стр. 934, т. I за 1799. Русское отдѣленіе Имп. Публ. Библ. [2]) Свѣтло Христовое Воскресенье пришлось въ 1799 году на 17 апрѣля. № 30 Петербургскихъ Вѣдомостей вышелъ въ страстную пятницу 15 апрѣля, а слѣдующій 31-й— 19 апрѣля. См. мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1799 (1-е отд. И. Ак. Наукъ, шк. № 39) стр. 51: «Пасха Христова апрѣля 17-го», тоже стр. 15. [3]) Петрушевскій III стр. 57. [4]) Сув. Рук. Сборн. кн. 11 л. 128 Д. И. Хвостовъ писалъ Суворову 8 іюля 1799 г.: «Мы въ Петровъ день у Августѣйшаго Именинника праздновали разбитіе Макдональда по извѣстіямъ изъ Вѣны. 4 іюля праздновали по вашему

На другой день 5 августа Суворовъ доносилъ Государю [1]: «Жубертъ, новокомандующій французскою арміею, состоявшею свыше 30 тыс., выступя изъ горъ распростерся частьми по хребту на Нови къ Сараваллѣ, оставя въ тылѣ, 4-го августа соединенная армія его атаковала и по кровопролитномъ боѣ одержала побѣду.

Нашъ уронъ больше съ россійской стороны; убитыхъ до 300 и близъ 1000 раненыхъ. Непріятель потерялъ на мѣстѣ и въ погонѣ убитыми до 5000: въ полонъ взято до 4000 при генералахъ дивизіонныхъ Груше, Периньянъ, Колли и бригадномъ Гардонѣ, изъ коихъ два первые ранены. 30 пушекъ, едва не вся ихъ артиллерія въ нашихъ рукахъ. Жуберъ убитъ. Е. И. В. благовѣрный Государь и Великій Князь Константинъ Павловичъ во всю баталію мужественно присутствовать изволилъ и обрѣтается въ вожделенномъ здравіи».

28 іюля (8 августа) 1799 г. князь А. Горчаковъ писалъ изъ Нови къ Д. И. Хвостову [2]: «Сардинскій король признательнѣе щедрѣ(е) и чувствительнѣе Римскаго Императора: онъ прислалъ графу дипломъ, жалуя его: 1) въ князи и въ свои кузены, графа наслѣдника, его и такъ снисходя до безконечности перваго въ родѣ. 2) своимъ великимъ фельдмаршаломъ и 3) своимъ грандъ де куронъ, что означаетъ перваго человѣка въ государствѣ и еще пришлетъ свой первый орденъ св. Благовѣщенія, котораго только шесть ковалеровъ въ свѣтѣ . . . . [3]) нонче 28 іюля (8 августа), у насъ еще побѣда; вчера взята горная крѣпость Сeравалія, которая ключь входу въ Гену(есс)кія горы: крѣпость не большая, но весьма крѣпкая по своимъ укрѣпленіямъ, а особливо по своему мѣстоположенію, ибо состроена на превысокой каменной горѣ и входъ он(у)ю самотруднѣйшій. Князь Багратіонъ командовалъ осадою, а полковникъ Гартингъ былъ директоромъ осады. Гарнизонъ состоящій изъ 150 человѣкъ, сдался на дискрецію и графъ офицеровъ отпустилъ домой (даже) и безъ размѣна... нетерпѣливо ожидаю я курьера въ отвѣтъ на Требіевскія баталіи и на другія; а графъ Растопчинъ писалъ уже графу поздравительное письмо на оныя по извѣстіямъ. которы(я) Государь изъ Вѣны получилъ и какъ кстати наканунѣ Петрова дня... мы уже въ Генуэсскихъ владѣніяхъ, ибо Нови, гдѣ мы теперь, принадлежитъ Генуѣ». Къ письму этому отъ 31 іюля (11 августа) Андреемъ Ивановичемъ Горча-

донесенію отъ 27-го изъ Турина о взятіи Ферары и пр. Вчера праздновали Туринскую цитадель. Государь Императоръ нетерпѣливо ожидаетъ отъ васъ о Макдональдѣ. Сіе дѣло здѣсь много гремитъ. Въ подобныхъ случаяхъ не надобно скупиться на курьеровъ. Государь неописанно подвигами вашими доволенъ; всегда за молебномъ вамъ многолѣтіе. Я, Оберъ Прокуроръ Синода, прошу Его Величество за сіе поблагодарить... Цѣлую ваши ручки, избавитель Царей и Европы». [1]) Рукопис. Сувор. Сборн. кн. 11, л. 106 (копія). [2]) Тамъ же кн. 11 л.л. 107 и 108. [3]) Точки означаютъ пропускъ.

ковымъ сдѣлана приписка: «По соизволенію Гусударя Императора, графъ беретъ изъ корпуса Г. Л. Римскаго Корсакова 10000 человѣкъ и оныя подъ командою Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова I, которые думаю, черезъ мѣсяцъ сюда прибудутъ; наконецъ Богъ насъ соединяетъ, а намъ въ войскахъ нужда большая была и есть до прихода брата; графъ очень доволенъ извѣстіемъ, что привезъ сей фельдъегеръ о присылкѣ ему портрета и что Государь побѣдой такъ утѣшенъ»....

Свой взглядъ на общее положеніе дѣлъ и свою стратегическую мысль на весь ходъ кампаніи 1799 года на всемъ Европейскомъ театрѣ Суворовъ выразилъ въ небольшой запискѣ на трехъ листахъ, озаглавленной: «Съ Минто послѣднее мнѣніе». Записка эта очень любопытна и приводится ниже въ цѣломъ ея видѣ:

Съ Минто послѣднее мнѣніе [1]).

Итальянская армія во Франціи, верхняя Рейнская, гдѣ 100,000 у меня и Австрійцы, хоть назвать вспомогательными, на нижнемъ Рейнѣ 100,000 у Эрцъ Герцога.

Эта операція не хороша и натянута. А лучше операція первѣйшая; русскимъ всѣмъ въ Италіи къ Меласу и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ вѣрнѣе.

Усилить Принца Карла никто иной сколько можно на Рейнѣ такожъ вызываются во Францію.

О 3-й на нижнемъ Рейнѣ арміи негодится и говорить это въ право отрядные корпусы.

Десантовъ отнюдь нѣтъ, Іоркъ пьянъ. Собирается въ 3-мъ часу, а выйдетъ въ 9-мъ, холоднаго ружья не смыслитъ; французы безъ него по ихъ формированію строго всегда побѣждать будутъ.

Въ Россійскихъ войскахъ Корсаковыхъ генераловъ много.

Есть одинъ десантъ: противъ Лаванде (La Vandée)—ежели она вооружена будетъ... [2]). Когда которая изъ двухъ арміевъ италіанская, или рейнская на пути будетъ къ Парижу, тогда и дессанту съ Лавандейцами туда жъ. Но чтобъ это было весьма вѣрно и тутъ надобно очень хорошему генералу быть и отнюдь не такому, какъ Іоркъ и прежніе рейнскіе; тутъ Француз(ы) вдругъ заговоръ сдѣлаютъ и вдругъ разобьютъ. Довольно, что Лавандейцы ихъ будутъ занимать, а Россійскіе всѣ лучше въ Италію.

Поди къ Парижу, всѣ изъ Нидерландовъ туда выбѣжатъ.

Токмо никогда ни чему путному не бывать доколѣ аза въ глаза военнаго дѣла несмыслящій Тугутъ будетъ деспотъ надъ операціями; его не вѣдать; онъ свои секреты подноситъ Императору и слѣпо подпись: А что полегче — это черезъ гофъ кригсратъ попято утверждено Императоромъ упоминовеніемъ въ его рескриптѣ.

---

[1]) Сувор. Рукоп. Сборн. кн. 6. л. 80—82. [2]) Точки въ подлинникѣ.

Мнѣ то часто бывало, берутъ отъ меня войска въ иную сторону, когда я ихъ уже опредѣлилъ въ другую, и тѣмъ разстроенъ былъ планъ. Существа кабинетнаго права никогда въ точности исполнены быть не могутъ, обстоятельства ими прежде вертятъ какъ буря.

Ежели тождественно утверждено будетъ даже стратегомъ, что на двѣ Xii (неразборчиво) кабинетъ никто частной и военныя операціи ничуть вмѣшиваться не будетъ, можно начинать съ разсмотрѣніемъ; но ежели Тугутъ будетъ Марсомъ, то избавь Господи.... ничуть не вступать..[1]) будетъ постыдность, вредъ и безчестіе. По сему подлежитъ быть вѣрному трактату.

Но что я говорю? Это лишь подтвержденіе прежняго... 100,000 рейнскихъ: неотказался ли самъ Минто послѣ молчанія изъ Вѣны.

Дессанты за противными вѣтрами, Іорку скоро бы было нечего ѣсть, а всего страннѣе былъ крайній недостатокъ въ военной амуниціи; то и заставило его безстыдно капитулировать; *англичане чѣмъ неудачнѣе, тѣмъ угоднѣе;* Тугутъ чтобъ ими занять непріятеля и отдѣлить у него силы, могущія себя умножить въ друг(ихъ) дѣйствующихъ мѣстахъ.

Такъ я не вижу никакой цѣли и причины, чтобъ россіяне покуда въ содѣйствіи войти должны были, вышли бы. Въ нихъ одна игра и обманъ.

Сіе только для внушенія графу Федору Васильевичу и по его усмотрѣнію хотя и колы(магу). Это изображено въ слабомъ моемъ духѣ». Великій Суворовскій подвигъ завершился Швейцарскимъ походомъ. Сентябрьскихъ писемъ въ Сборникѣ не сохранилось. Всѣ послѣднія письма Суворова за 1800 годъ, когда болѣзнь замѣтно подкосила его силы, свидѣтельствуютъ, что по временамъ сильный духъ его вѣрилъ въ вѣроятность исцѣленія и въ возможность жизни: 10-го января 1800 г. изъ Праги онъ писалъ [2]): ...«не все чудо для отхода души къ престолу всемогущаго»... Изъ Кракова въ февралѣ 1800 г. [3]): «Мнѣ недолго жить, кашель меня крушитъ, присмотръ за мной двуличный... основаніи собственнаго моего положенія на остатокъ дней моихъ. Но какъ рабъ умираю за отечество, и какъ космополитъ за свѣтъ». 11-го февраля 1800 г. изъ Кобрина [4]): «я на чистомъ голоду, даже малѣйшая крупица хлѣба мнѣ противнѣе ревеню. 2-е почти годовой кашель мнѣ здѣсь умножился, непрестанныя томныя кишки подвело; все тѣло мое въ огневицѣ, всякій часъ слабѣе, и ежели дня черезъ два тоже будетъ, я ожидать буду посѣщенія парковъ ближе, нежели явиться всемилосерднѣйшему Монарху». Черезъ три дня, 14 февраля 1800 г. изъ Кобрина графу Федору Васильевичу Растопчину [5]): ...«начну съ кашля, въ конецъ умножившагося по нерадѣнію

[1]) Точки въ подлинникѣ. [2]) Сувор. Рукоп. Сборн., кн. 6, л. 60. [3]) Тамъ же, л. 62 (даты не сохранилось). [4]) Тамъ же. л. 48. [5]) Сувор. Рук. Сборн., кн. 6, л. 50.

моихъ оговорщиковъ. Впрочемъ естественно столько еще крѣпокъ, что когда хотя часъ, другой вѣтру нѣтъ, то и его нѣтъ. Мѣсяцъ я ѣлъ очень мало, былъ на ногахъ; видя огневицу крѣпко наступившую не ѣлъ почти ничего 6 дней и въ постели. Чувствую, что я ее чуть самъ не осилилъ, но что... не предвижу скораго конца... скучилъ я вамъ, вотъ мой карнавалъ», а въ другомъ мѣстѣ Хвостову пишетъ изъ Кобрина [1]): «лишь бы мнѣ васъ живому увидѣть»..... Въ половинѣ марта, когда болѣзнь сдала, Суворовъ ожилъ, онъ пишетъ Дмитрію Ивановичу о сынѣ Аркадіѣ: ...«паче какъ молодаго юношу, берегите его любомудріе и благоправіе»... [2]) и далѣе:

...Мнѣ подло, совѣстно, грѣхъ, что ни есть испрашивать у щедраго Монарха.

...Ежели буду живъ въ Высочайшее шествіе изъ Спб. въ Павловское 23-го мая, прямо-ли мнѣ тогда въ деревню ѣхать, или чрезъ нѣсколько дней изъ Павловскаго уволиться... А повернуть себя къ Высочайшимъ стопамъ на Петровъ день, то жъ съ оборотомъ въ деревню чрезъ нѣсколько дней и такъ далѣе.

Я буду жить въ деревнѣ и гдѣ бы то ни было надлежитъ мнѣ Высочайшая милость, чтобъ для соблюденія моей жизни и крѣпости присвоенъ мнѣ был(ъ) навсегда штабъ лѣкарь хорошій, съ его помощникомъ, къ нимъ фельдшеръ и аптечка и нынѣ бы я не умиралъ, еслибъ прежде и всегда зналъ кто при мнѣ находился, но всѣ были при ихъ должностяхъ.

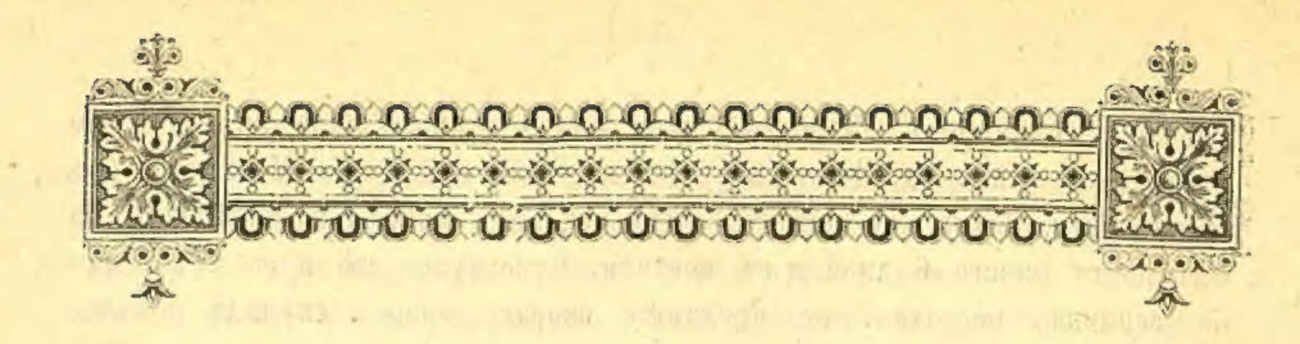
Я бы законно желалъ быть иногда въ публикѣ въ иностранномъ мундирѣ; великому Императору это слава, что его подданный ихъ достойно заслужилъ»...

Внизу письма помѣта: «Кончено сіе марта 15».

---

[1]) Тамъ же, л. 64. (Февраль 1800 г.), [2]) Тамъ же, л. л. 66, 67 и 68.

IX.

Въ 11-й книгѣ Суворовскаго Рукописнаго Сборника [1]) сохранилась «записка изъ нѣкотораго извѣстія о нижеписанномъ происшествіи въ Санктъ Петербургѣ».

«Что! Сего 1801 года, мая 5-го числа, поставленному монументу покойнаго Князя Италійскаго на Царицыномъ лугу противъ Михайловской крѣпости и Мраморнаго дворца, токмо ближе къ Лѣтнему саду у самой канавы подъ шатромъ поставлено подобіе Его Сіятельства на мраморномъ столбѣ украшено бронзою, вылитъ изъ мѣди несказано выше и толще противъ натуры. Въ латахъ и шишакѣ; княжеская, длинная мантія, на лѣвую ногу опершись, правая со зади нѣсколько у сапога каблук(ъ) поднявши, въ правой рукѣ шпага вознесена острымъ концемъ выше лѣваго плеча, якобы кого на взмашь пересѣчь хочетъ.

Лицо его геройски обращено на правую сторону. Съ лѣвой же стороны три короны и жезлъ; но какія, того въ скорости не узнать, бо по замѣчанію бытія его трехъ: Россійской, Римской и Сардинской державъ фельдмаршаломъ.

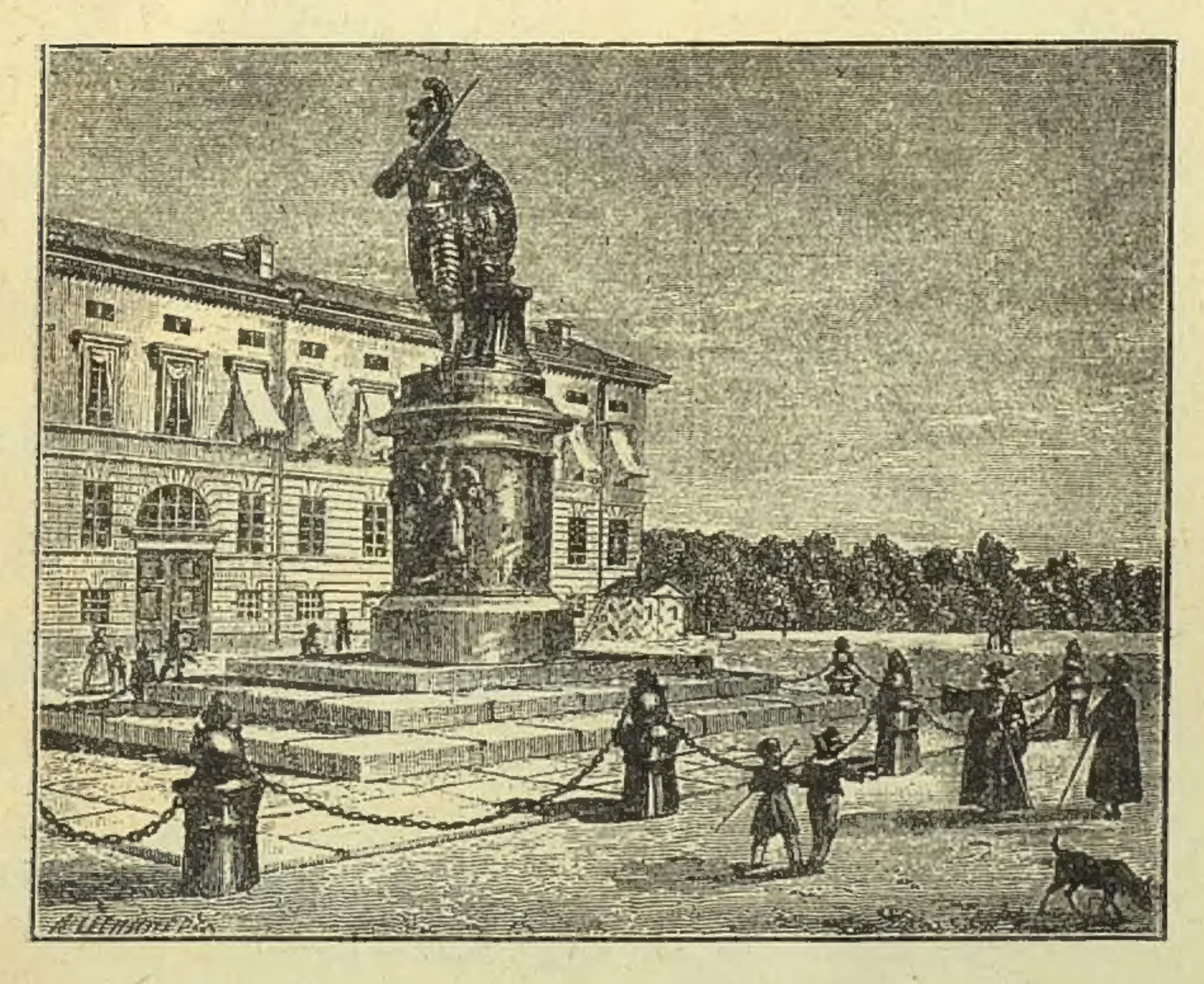
Въ 10-мъ часу по утру, въ присутствіи Государя Александра Павловича и Цесаревича Константина Павловича, при всей воинской церемоніи изъ гвардіи, выстроенной противъ сего шатра съ трехъ сторонъ въ три шеренги съ заряженными ружьями пре множество генералитета, окружающаго Государя у поставленнаго монумента, гдѣ и Князь Аркадій Александровичъ Италійскій пріѣхалъ на благодареніе. Потомъ въ одну минуту весь шатеръ разсыпался и тотчасъ мѣсто очистили; явилось подобіе въ вышеописанной славѣ, яко повелитель всей церемоніи.

Весь генералитетъ и прочіе чины сдѣлали алебардами честь сему монументу и изъ всѣхъ полковъ по батальонно огнестрѣльные залпы

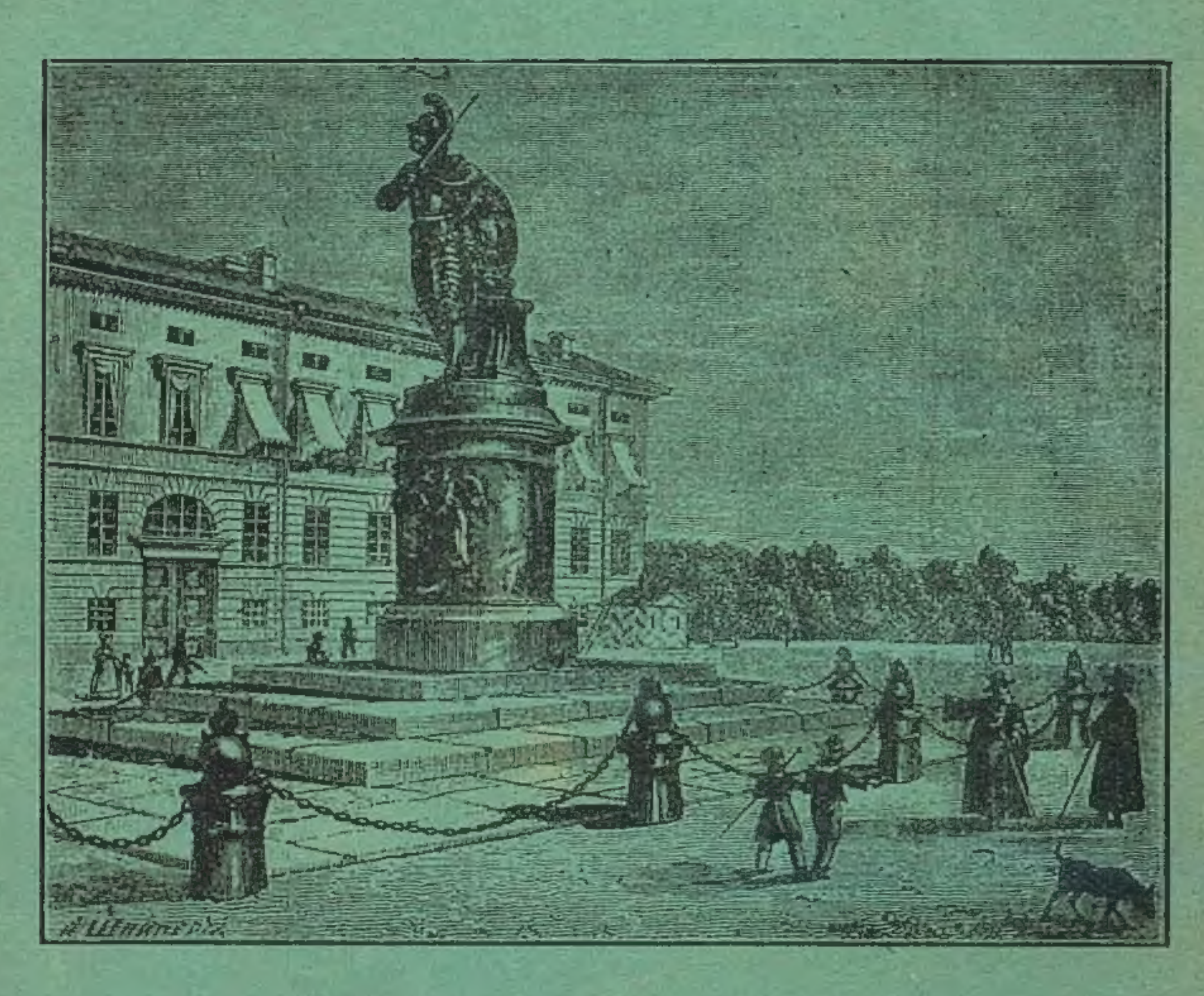
[1]) л. 148.

учинены. А засимъ повелѣно ѣхать мимо сего монумента кавалеріи: конной гвардіи, Кирасирамъ и Лейбъ-Гусарамъ, за ними — Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій полки маршировали и еще какой то, не узнанъ въ скорости; и коль скоро котораго полка поравняется знамя противъ монумента, тотчасъ ему преклоняли и сіе происходило болѣе двухъ часовъ» [1]).

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.
(Со старинной гравюры).

[1]) Въ полковомъ архивѣ Л. Гв. Коннаго п. къ сожалѣнію не удалось найти слѣда объ участіи полка въ похоронахъ Суворова и въ открытіи памятника генералиссимусу. С.П.Вѣдомости того времени обошли вопросъ молчаніемъ; по крайней мѣрѣ офиціальныхъ сообщеній по этому предмету повидимому сдѣлано не было.

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.

(Со старинной гравюры).

РКТ
МЗ

2007043140